

ЖИТИЕ СВ. ФРАНЦИСКА СОЛАНО

Тибурций Наварро

*Пер. с лат. Franciscus Solanus Ord. Minorum de Observantia, Limæ in Peruvia Americæ (S.),
Vita auctore Tiburtio Navarro, minorita // AASS Julii T. V, pp. 859-886*

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА I. ОТЕЧЕСТВО СВЯТОГО, РОДИТЕЛИ, НРАВЫ В ДЕТСТВЕ И ОТРОЧЕСТВЕ, ВСТУПЛЕНИЕ В ОРДЕН БРАТЬЕВ МЕНЬШИХ И ПРИНЕСЕНИЕ ИНОЧЕСКИХ ОБЕТОВ

[1] В году от Рождества Христова 1549-м, на 16-м году понтификата Павла III, Верховного первосвященника, 34-м четвертом году царствования (*в Испании; в Империи же – на 30-м. – прим. AASS*) Карла V, августейшего императора, короля католической Испании – когда восстали тёмные ереси и на беду окутали лик христианской Европы – явился миру Франциск Солано. Поскольку он заботою Промысла Божия был предназначен к тому, чтобы изгнать из Американского полушария мрак языческого заблуждения и распространить свет правоверной истины, то его можно не без основания назвать единым солнцем перуанского мира (*фамилия святого созвучна лат. и исп. sol, «солнце»; дословно же solano «восточный ветер» либо «с солнечной стороны». – прим. пер.*). Отечеством сему столь преславному плоду был городок Монтилья Кордовской епархии, главный в маркизате Приего, расположенный в Андалусии – плодороднейшей области Испании.

[2] С родителями ему посчастливилось: то были люди достойные и благочестивые, ни дедовской доблести не утратившие, ни чистоты крови. Отцу его было имя Матео Санчес Солано, матери же – Анна Хименес, идалга (*комментатор AASS признаётся, что не знает, означает ли Hidalgo в данном случае титул или вторую, как принято в Испании, фамилию. – прим. пер.*). Первый, считавшийся одним из виднейших граждан, дважды удостоился быть избранным в алькальды упомянутого городка. Из такого вот рода, словно наилучший плод от доброго древа (*Мф. 7:18; Лк. 6:43*), родился сей солнечный мальчик, первый среди сыновей по благочестию, хотя и второй по порядку. В том же году в воскресенье 10 марта в церкви, посвященной святому Иакову, он был возрожден в водах святого крещения.

Родители заботливо учили его с нежных лет страху Божию (*Притч. 1:7; Пс. 110:10*) и вере католической, однако не столько в силу их наставлений, сколько споспешением Божией благодати он с самого вступления в отроческие лета, а затем среди опасностей юности являл преискреннюю любовь к добродетели. Ибо ревностно уклоняясь от дурных сообществ и обуздывая буйные юношеские страсти, он в неустанном труде возделывал душу свою. Оттого сияние нарождающейся святости излучалось от него так ощутимо, что даже одно лишь его присутствие вынуждало прочих юнцов (кои подмечали в нём нечто сверхчеловеческое) прерывать непотребные игры и непристойные речи, едва начавши, а то и вовсе от таких затей воздерживаться.

[3] Занимаясь науками в иезуитском коллегиуме того же городка, он снискал себе общую любовь, как у учителей, так и у товарищей, и притягивал к себе взгляды, точно зеркало скромности, кротости и всяческой добродетели. Ибо он не выказывал никакого ребячества, но, во всём являя себя сложившимся человеком, обнаруживал благоразумие и осмотрительность, достойную зрелого мужа.

Всем существом своим любя мир и взаимное согласие, он старался улаживать ссоры, возникавшие между однокашниками. Например, когда он раз увидел, что двое (с которыми он гулял подле реки Агилар), затеяли между собой шумную перебранку и кинулись драться, он встал между ними, дабы их унять. И хотя один из них ударил его рукою, Франциск не отступал, доколе не примирил их, а другу, который сострадал ему, битому, молвил: «Мне было ничуть не больно, зато я добился, чего хотел: убедил их опять подружиться».

Сие согласие он старался установить не только меж малолетних сотоварищей, но даже и между людьми возрастом старшими. Так, однажды, встретивши в окрестностях Монтильи двоих, сражавшихся в поле на обнаженных клинках, он отважно подступил к ним и презлостно молвил: «Ради любви Божией не сражайтесь меж собою столь опасно, ибо нет никого, кто бы вас примирил, и вы несомненно друг руга израните и умертвите!» Услышав сие, они внезапно вложили шпаги в ножны и, разойдясь в разные стороны, мирно друг от друга удалились.

[4] Итак, добрый отрок прилежно учился, а часы, свободные от занятий, проводил, помогая возделывать отцовский сад, где, пока тело предавалось труду, подкреплял дух благоговейными песнопениями и сладостью их удерживал ум в горнем устремлении к Богу.

Зная притом, что любовь к наукам не должна угашать попечения о добродетели, он радел о внутреннем усовершенствии, молитвенно блюдя сердце своё. Готовясь приступить к таинству Покаяния и Евхаристии, он располагал себя должным приготовлением, а после в уединённой молитве воздавал Христу смиренную благодарность за принятые дары, к причащению коих небезуспешно увещевал и других.

[5] Однако столь благородному ратнику воинства Христова жребий причитался более благородный, нежели мирской: ему предстояло упражнять свои силы на поприще брани иноческой, посему (по вдохновению Божиию), жаждая более высокой степени совершенства, он размышлял об уходе в уединённую обитель. И наконец, по зрелом размышлении, он подался в монтильский монастырь Реколлекции (*«реколлекты» – самостоятельная ветвь миноритов, появившаяся в XVI в., характеризовавшаяся вниманием к аскетизму и стремлением к пустынножительству. – прим. пер.*) андалусской провинции отцов строгого соблюдения, принял от них священное облачение и смиренно просил о принятии в братию. Благоразумные монахи, испытав его и мудро одоблив, в год тысяча пятьсот шестьдесят девятый, на двадцатом году его жизни, приняли его в послушники Серафического ордена.

[6] Облекшись в одеяние Братьев Меньших, он тотчас же начал пред всеми обнаруживать сокровища добродетелей, нарождавшихся в душе его. Постоянно проявляя скромность необычайную, слепое послушание, глубокое смирение, способность к продолжительному безмолвию и строгому умерщвлению чувств, он привлекал к себе внимание и расположение братии.

Конечно, насельникам святой обители Реколекции гранадской провинции, обычные и строгость покаяния, и грубая, убогая, мятая одежда, и строгие долгие посты, частое бичевание, совершенная нищета — одним словом, истинно строгое соблюдение устава Францисканского (причём у них есть и иные суровые упражнения для испытания послушников, готовящихся к вступлению в орден), но всех их Франциск наш опережал стремительностью и рвением. Под плащом он носил на теле колючую власяницу; круглый год ложем ему служила пробковая кора, во время же Великого поста и Адвента – решётка из скреплённых прутьев, а изголовьем – полено.

[7] Бичевал Франциск себя часто, вплоть до обильного пролития крови, к чему присовокуплял пост – наивернейшего стража новорожденных добродетелей, а дабы предупредить порывы юношеского пыла, употреблял лекарство воздержания. Ибо никогда (как то замечали на протяжении трех лет его товарищи по искусству и постригу) не вкушал он ни мяса, ни рыбы, ни яиц, кроме как по самым торжественным праздникам, понуждаемый велением наставника. Столь строгий закон умеренности он себе предписал, что по пятницам не ел ничего, приготовленного на огне; в течение же всего Великого поста по понедельникам, средам и пятницам питался одним лишь хлебом и пил только воду. Умолчу о том, что он терпеливо ходил совершенно босой – это тогда было обычно для всех послушников. Когда же нужда понуждала его ослабить узды иноческого безмолвия, он говорил лишь о вещах духовных, к назиданию слушающих. Поскольку же говорил он всегда мало и с особенной рассудительностью, собраты-послушники при редких беседах (кои устав позволяет для отдохновения духа) не осмеливались в присутствии Франциска ни словца обронить легкомысленного, или смехотворного, или несообразного святому образу иноческому. Известно, что сие благоговение перед его присутствием сохранялось среди братии до тех пор, пока он не отправился в Индию (*т.е. Южную Америку. – прим. пер.*).

[8] Столь дивные добродетели ревностного послушника питала молитва, словно вода, орошающая юные побеги. Ибо разумел благочестивый юноша, что и телесный подвиг не пребудет постоянным, и прочие дарования боголюбивой души скоро погибнут, если их не будет насыщать тук богообщения (ср. Пс. 62:6), а посему непрестанно предавался созерцанию. Так, помимо часов, когда вся община собиралась на моление, он в ночной тишине, взбадривая тело ударами бича, длил и длил святую молитвенную брань – часто аж до восхода солнца.

Итак, столь благим начинанием ясно он засвидетельствовал, что призван внушением Божиим, а постоянство вдохновлено Тем, Кто даровал ему хотение (ср. *Флп. 2:13*), и посему по исполнении года искуса со всеобщего согласия отцов святой Реколекции и к ликованию их, он принёс торжественные обеты жития по уставу Братьев меньших.

ГЛАВА II. УЧЕНИЕ, СВЯЩЕНСТВО, СЛУЖЕНИЯ, ИСПОЛНЯЕМЫЕ В ИСПАНИИ И АПОСТОЛЬСКОЕ РВЕНИЕ, ТАМ ЯВЛЕННОЕ

Принял обет в общине строгого соблюдения, Франциск не оставил не оставил добродетелей, кои начал взращивать во пору искуса, но усовершенствовал их. Образа жизни, начатого в послушничестве, он держался столь твёрдо, что никогда не отклонялся от той первоначальной стези простоты, послушания и ревности.

По прошествии примерно трёх лет в монтильской обители он был направлен, согласно своему желанию, в обитель Реколлекции св. Марии Лоретской под начало совершенного и благочестивого гвардиана, где занялся изучением философии. Хотя в келлиях не было недостатка, он все же устроил себе в некоем углу, близ колоколов, малую и приземистую келейку из тростника, в которой из обстановки имелись лишь пробковое ложе да деревянный стул, а свет проникал сквозь маленькое отверстие. Там, в уединении и вдали от шума, он проводил дни и ночи, либо молясь, либо учась. Богословию он тоже уделял внимание, а его истины, постигнув рассудком, обращал в пищу для души, умягчая сухость науки созерцательною молитвой, слезами и постом, благодаря чему вышел оттуда одновременно учёным и святым, мудрым и смиренным (хотя со многими нередко случается иначе).

[10] По окончании курса наук он был возведён в священнический сан и первую свою Божественную литургию совершил в торжество св. о. н. Франциска. Затем, поскольку он радел о богослужении и наделён был звучным голосом, его назначили викарием хора, каковое послушание он исполнял с величайшим тщанием и усердием. Упреждая всякую ошибку в обряде и пении и тщательно готовясь, он неопустительно присутствовал на ночных и дневных Часах. Также по повелению настоятеля он принял на себя служение проповедника, а сколь похвально он в нем подвизался, сколь плодотворно трудился, покажут последовавшие события, о коих будет рассказано ниже.

[11] Уже многие годы провел он в той общине святой Реколлекции, когда по послушанию был призван в другую обитель и назначен наставником послушников в Аррисафе. Разумея, что в сей вверенной ему должности пример действенной слова, и зная, что взоры новоначальных, словно к зеркалу, обращены к жизни наставника, коему следует уподобляться, человек Божий воспылал новой ревностью, всецело предался покаянным подвигам и усилил пыл свой, зачатый в послушничестве.

Для провинившихся юношей более строгим обличением было его совершенство, нежели строгое слово; ошибки согрешающих он приписывал себе и сам претерпевал наказание, ими заслуженное. Отдавая же себя им в руки на бичевание, он в собственном теле искупал чужие недостатки (*ср. Кол. 1:22*). Воспретив себе мясо и рыбу, питался он лишь варёными овощами. Молитве он предавался столь усиленно и часто, что послушники, нарочно проверяя, отдыхает ли он когда-либо, чаще всего заставляли его молящимся на коленях в келли или в хоре (где он оставался после утрени до самого Первого часа), притом слышали даже, как он смешивал вздохи и стенания с мощнейшими ударами бича.

[12] Побуждаемые к подражанию столь великому наставнику, послушники неленостно трудились в стяжании совершенства. Когда же они однажды спросили

его, какому подвигу иноку надлежит наипаче прилежать, дабы удостоиться благодати Божией, Франциск дал достойный мудреца ответ: «Надёжнейший путь к сему есть терпение, а также невозмутимое перенесение тягот и скорбей, особливо когда они причиняются родными или собратьями по ордену». Также, когда сей сонм простецов спросил его, что усиливает боль при самобичевании, он поведал им, что как невинный Агнец Христос, совлеченный нешвенного хитона (Ин. 19:23-24), всем телом принял лютые удары, так и им, снявши рясы, следует бичевать не одну, но многие части тела. Сими и подобными наставлениями он орошал нежные ростки, словами и делами своими готовя их блюсти устав иноческого жития.

[13] Затем его направили наставником послушников в обитель Сан-Франсиско-дель-Монте, расположенную в местах труднодоступных и суровых, удалённую от человеческого жилья и чрезвычайно пригодную для небесного созерцания. В сем служении он, конечно, по-прежнему упражнялся в тех же добродетелях, но, пользуясь также и обстоятельствами места, ещё усерднее предался личному духовному совершенствованию. Там он творил молитвы подольше, наслаждался ненарушимым покоем молчания и уединения. Там, измышляя способы более строгого покаяния, подвергал себя новым умерщвлениям плоти.

Рядом с монастырем росли тернии, оцетинившиеся ужасными шипами, в коих истый подражатель Серафического отца порой подолгу катался нагим, доколе всё тело не начинало кровоточить жуткими ранами.

[14] Столь выдающиеся его добродетели обязательно надлежало использовать на благо Ордена; посему на капитуле провинции он был поставлен гвардианом вышеупомянутой обители Сан-Франсиско-дель-Монте, и хотя он с величайшим смирением отказывался от сего служения, однако, принужденный послушанием, принял его.

В монастыре он исполнял все обязанности доброго настоятеля: прежде всего, он явил всяческую бдительность, необходимую предстоятелю, и величайшую заботу о том, дабы подчинённые нерушимо соблюдали предписания и положения устава святой Реколлекции. А дабы сделать увещание более действенным, он подкреплял его примером. Так, первым поспешая на все монастырские послушания, он обязательно присутствовал среди общины и в хоре, и на трапезе, и на молитве, и в трудах. Взяв суму, он ходил от двери к двери, испрашивая подаяние. Со всеми обходительный, ни для кого не обременительный, он, однако, рассудительно обличал тех, кто того заслуживал, а строптивых подначальных сдерживал уздами послушания.

[15] Полагая особую заботу о больных своей обязанностью по должности, он усердно служил им и, опережая инфирмарию, сам постилал их ложа, мыл и чистил в лазарете грязную утварь. Кроме того, дабы подать братии как можно более ясный пример иноческого самоуничтожения, он часто, когда все сидели за трапезой, взяв в зубы палочку или тростинку, смиренной и скромной поступью, обливаясь слезами и виня самого себя, входил в трапезную и, преклонив колена, называл себя человеком бесполезным и недостойным даже того, чтобы люди попирали его ногами. Наконец, делом и словом он обратил сию общину в некое святилище и как бы добровольную темницу кающихся. И всё же добродетель святого смирения столь прочно владела

его душой, что настойчивыми и неотступными мольбами он добился отставки от сего служения.

[16] Пребывая в той обители Сан-Франсиско-дель-Монте, слуга Божий радел о благе окрестного люда и исполнял прежде вверенное ему служение проповеди к великой пользой для близлежащих селений. Ибо он наставлял жителей той области не пустыми и смехотворными речами, но зачатыми в молитве по Христову наущению, и проникали они до глубины сердца. Немало людей обращались и, желая отвергнуть скверну пороков, приходили к святому проповеднику исповедовать грехи.

Когда его посылали в окрестные места за подаванием, он обыкновенно собирал детей, с коими вместе шествовал толпой по дорогам, вслух повторяя догматы христианской веры. Если же случалось наткнуться на нескольких взрослых, он проповедовал им о страхе Божиим и внушал святое послушание Господу. По окончании проповеди, хотя монастырь отстоял от ближайшего селения не менее чем на одну лигу (5,57 км. – прим. пер.), он возвращался в него, не поевши. Сие строгое постническое правило он не нарушил даже страдая четырёхдневною лихорадкой, когда проповедовал во время Четыредесятницы в селении Адамус.

[17] За сии дела милосердия, оказываемые душам, все почитали его мужем апостольским и святым; но славу его приумножали благодеяния, уделемые и телам. Ибо, когда однажды в городе Монтилья он остановился у дверей Диего Лопеса с просьбой о подавании, к нему поднесли больного малыша, сына вышеупомянутого Диего, по всему телу покрытого ужасными нарывами, с просьбою произнести над ним какой-нибудь отрывок из святого Евангелия. Тогда Франциск велел женщине, державшей дитя, разбинтовать его и обнажить язвы. Увидев оные, святой проникся состраданием и, прижав к ним язык, облизал всё тело мальчика. От сего целительного прикосновения болящий поправился, ибо по прошествии нескольких дней он обрёл полное телесное здравие и благовидность.

В другой раз, когда человек Божий пришёл в тот же городок просить милостыню, у самого входа в местечко он встретил бедняка с ногами, изъязвлёнными множеством нарывов. Тогда, вспомнивши о Христе, за нас израненном на кресте, святой кинулся наземь и благоговейно облобызал стопы несчастного. Сим лобзанием, как благочестиво веруют, бедняк был исцелён, ибо по прошествии месяца видали, как он ходит на здоровых ногах, ни на какой посох не опираясь.

[18] В год 1583-й, когда пагуба чумного поветрия свирепствовала во многих областях Андалусии, городок Монторо ощутил на себе суровость бича Божия. Однако человек Божий, жалея его и сострадая жителям, лишённым не только телесной, но и духовной помощи, получил, хотя и с трудом, дозволение от гвардиана и вместе со спутником, иеромонахом по имени Бонавентура, разделявшим его чувства, отправился в упомянутое местечко, где с согласия и даже к ликованию приходского священника и прочих обывателей, он принял на себя попечение о больничном приюте, отведённом для страждущих от чумы. Там, ничуть не страшась смертельной опасности, он неустанно врачевал души болящих и тела. Одних он сладчайшими словами увещевал потерпеть, смиренно принять волю Божию и стяжать ниспосланное с небес «юбилейное отпущение грехов» (так он называл сие

поветрие), другим уделял Святые Таинства, а иных благочестивыми беседами подготавливал к тяжким предсмертным борениям.

[19] Не забывая при этом и о телесной помощи страждущим, он постигал им лежа, готовил пищу и лекарства и во всех оправлениях помогал. Тех же, кто избежал смерти и, одолев пагубный недуг, на счастье своё выздоравливал, он омывал и очищал в водах близлежащей мельницы, совлекал с них прежние одежды и облачал в новые. Затем, неся перед собою крест и громко воспевая истины нашей веры, он провожал их обратно к их собственным жилищам. Оттуда он немедленно возвращался, дабы заняться остальными больными и, сохраняя в сих трудах неизменно бодрое выражение лица и спокойный вид, он нёс тем несчастным необычайную утеху и радость.

[20] Между тем, хотя дражайший его сподвижник Бонавентура был сражён смертоносной заразой, слуга Божий не оставил своего служения, но, взяв на себя одного всю ту заботу, что прежде разделял с товарищем, с неослабной заботливостью спешил на помощь всем нуждающимся. Притом и сам он, дабы вкусить горькую чашу недуга и доказать пред Богом верность свою в немощи, не избежал беспощадной заразы. Пораженный двойным карбункулом, сиречь бубоном, он испытывал жуткие муки, но сносил их с дивным спокойствием духа и терпением. Однако небесный Промысел приберегал его для вящих трудов во славу Божию и на благо ближнего, а потому, вскоре выздоровев, он тотчас же возобновил своё служение и не оставлял его до тех пор, пока меч ангела карающего не был вложен в ножны (ср. 1 Пар. 21:27) и пламя лютой чумы не угасло. Тогда-то, простившись с народом, он удалился в излюбленное своё монастырское уединение.

[21] [и отправляется в другой монастырь, где совершает апостольские труды.] По прошествии же недолгого времени, он был переведен по послушанию в обитель Реколлекции Сан-Луис-Реаль, расположенный на расстоянии одной лиги от города Гранады. Там гвардиан и братия, наслышанные о замечательных добродетелях святого, приняли его с величайшим ликованием и необычайным почтением. Он же не оставил избранного им пути помощи ближнему, но сразу по прибытии начал ухаживать за больным в киновии.

Когда же нужд монастырских оказалось недостаточно для его великого милосердия, он, с дозволения настоятеля, часто хаживал в странноприимный дом бл. Иоанна Божия или в городскую общественную тюрьму. В одном месте он утешал болящих христиан, а в другом – темничных узников, поддерживая тех и других словом, заботой и таинством покаяния.

ГЛАВА III. ПЛАВАНИЕ В ВЕСТ-ИНДИЮ, КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ, ЛЮБОВЬ К БЛИЖНИМ

[22] Всеочевидные признаки святости, коими жизнь Франциска Солано сияла среди людей (ср. Мф 5:16), снискали ему в пределах Испании великое уважение. Он стремился сего избежать и затаиться безвестно в каком-нибудь углу (впрочем, без ущерба для человеколюбия и вреда для ближнего), а потому, не страшась смертельной опасности, но горячо жаждая славного мученического подвига, настоятельно просил у настоятелей разрешения отправиться в Африку к берберским племенам. Когда же в сем ему было отказано, он от намерения своего не

отступил, но, обратив взор к отдаленным областям нового полушария, нуждающимся в евангельских делателях, узрел благоприятный случай.

Ведь Католический король Филипп II повелел прелатам Францисканского ордена отправить братьев в Индии, дабы они сообщили свет христианской истины тем народам. Тут-то человек Божий и начал настоятельно просить причисления к священной миссии, дабы благодаря сей благочестивой уловке и заповедь любви не преступить, и тягу к смирению утолить.

Итак, добившись позволения, он решил сопутствовать инокам под началом комиссара о. Бальтазара Наварро в провинции Тукумана. Он предпочёл их другим, направлявшимся в различные области Америки, ибо слышал, что упомянутый край менее прочих освещён евангельскими наставлениями и требует более тяжких трудов.

[23] Простившись же с братьями и посетив по пути деревенских жителей (кого прежде наставлял спасительными поучениями), он с множеством иноков своего ордена отправился в год спасения 1589-й из Севильи с направлявшейся в Индии флотилией под началом дона Гарсии Уртадо де Мендосы, маркиза Каньете, вице-короля Перуанского королевства. На корабле, словно бы в монастырском уединении, он совершал духовные упражнения, и ни теснота среди пассажиров, ни нехватка места не препятствовали ему ни во внутреннем богообщении, ни во внешнем попечении о ближних. Ибо после того, как он завершал свои личные молитвы, словами огненными возжигал в прочих любовь к Богу. Держа в руках распятие, человек Божий свидетельствовал, что лучше умереть, чем согрешить, а кого удавалось ему поразить словесной стрелою, того врачевал он исцеляющим таинством покаяния.

[24] Между тем плавание продолжалось, и показался остров Санто-Доминго. Несколько иноков (среди коих был и человек Божий) сошли на берег, дабы постирать рясы. В четвертом часу пополудни все, кого могла вместить шлюпка, вернулись на стоявший на глубине корабль. Франциск остался с прочими, ожидая возможности переправиться на лодке, которая должна была за ними вернуться, а она из-за огромного расстояния не вернулась до второго часа по полуночи. Тем временем слуга Христов одолевал тревогу опасного ожидания неустанной молитвой; не страшась свирепости дикарей, обитавших в тех жутких горах (чего другие боялись), он в радостном ликовании громко воспевал хвалу Господу и Богородице Деве, и восторг наполнял его уста и сердце оттого, что желанная возможность сподобиться мученичества так близка.

[25] В итоге все вернулись на корабль и плавание возобновилось. Флот устремился к Картахене и, проведя там несколько дней, направил свой ход к порту Номбре-де-Диос, или Портобельо. Отдалившись там от моря, наш Франциск вместе с прелатом и спутниками предпринял путь по суше и прибыл в Панаму. В этом городе он отнюдь не позволил себе отдохнуть от утомительного странствия. В углу хоров он устроил себе кровать из плетёной корзины, а вместо подушки взял полено. Когда заканчивались часы служб и молитв, он отправлялся в городские приюты, где смиренно ухаживал за больными.

[26] По прошествии нескольких дней участники святой миссии взошли на корабль Хуана де Морганы и отплыли из порта Панама. Однако едва лишь, распустив паруса, они направили его к перуанским землям, как вдруг возле залива Горгона поднялась буря. От её натиска и бешеных порывов ветра корабль, бросаемый из стороны в сторону, около полуночи наскочил на песчаную отмель и, сотрясаемый яростными ударами, дал течь, а в отверстия струями хлынула вода, что вкупе с обильным дождем, лившимся с неба, предвещало неминуемое кораблекрушение и грозило несчастным смертельной опасностью. Не видя в сей крайности надежды на спасение судна, капитан спустил на море шлюпку, в коей вместе с важными особами и иноками решил поспешить к берегу.

[27] Итак, человека Божия Франциска просят спастись от смерти вместе с товарищами. Но поскольку он носил в сердце ту большую любовь, с которою полагают жизнь за друзей и ближних (*ср. Ин. 15:13*), и понимал, что тех, кого не сможет вместить лодка, ждёт несчастный конец, то, вмняя телесную свою жизнь ниже их духовного спасения, он не дал себя увести от тех бедняг. Многие из них были дикими язычниками, чернокожими, что ещё не погребли ветхого Адама в водах крещения – они оказались бы лишены всякой помощи. Поэтому святой громко прокричал: «Да не будет того, чтобы ради любви к временному свету я отделился от сих братьев моих, что вот-вот могут лишиться обеих жизней!» Тотчас же, взяв крест, он уговаривал их возвести очи к горе Божественного милосердия (*ср. Евр. 12:22*) и надеяться, что Тот, Кто «владевает над яростью моря» (*ср. Пс. 88:10*), укротит волны. Также и диким язычникам он в ревности духа возвещал Имя Христово немногими, но действенными словами, и тех, кто был достаточно расположен, возрождал в купели крещения.

[28] Едва шлюпка, нагруженная самыми знатными пассажирами, направилась к берегу, как мощный порыв бури и яростные удары волн разделили корабль на два обломка. Один из них, со множеством людей, среди коих было и несколько новокрещёных, поглотила пучина, другой же, где находился слуга Божий с толпой остальных, удержался на поверхности вод.

При виде столь плачевного исхода событий всех объял крайний ужас. Лишь бесстрашный Франциск, воздев крест, увещевал их с высокой кормы возложить упование на Господа, заверяя, что через три дня придёт помощь – лодка возвратится за ними.

Дабы же в опасности, грозившей телам, позаботиться о безопасности душ, он направлял их к пристани спасения на второй доске, оставшейся после кораблекрушения, коим является грех, сиречь посредством таинства покаяния (*первая «доска» – крещение. – прим. пер.*). Кроме того, дабы вымолить у небес милость несчастным, он творил жертвоприношения: внутри – сокрушая сердце в воздыханиях и молитвах, извне же – терзая плоть бичеванием по обнаженным плечам.

В сих бедствиях провели они целых три дня, не вкушая никакой иной пищи, кроме слова, исходящего из уст Франциска (*ср. Мф. 4:4*), коим некоторые, по их признанию, так укрепились, что не отнюдь почувствовали голодной истомы.

[29] Наконец, как и говорил святой муж, повеяло надеждой на небесную помощь: морские волны выбросили на корабль несколько свечей (что некоторые приписали чуду по молитвам слуги Божия). Их зажгли и дали знак тем, кто переправился лодкой на берег, что ещё живы и срочно нуждаются помощи.

Итак, в третий день (дабы исполнилось слово Франциска) затопленную шлюпку вытянули из воды, привели в порядок, а затем с гребцами вернулись за несчастными, терпящим кораблекрушение. Святой муж спустился в лодку не раньше, чем в ней разместились все остальные. Тогда, сняв хабит и увязав его веревкой, он в одном подряснике с крестом в руке вплавь достиг судёнышка, немного отдаленное от корабля движением волн. Ну а брошенный хабит упал в воду.

Едва все вошли в лодку, как тот обломок корабля, что доселе держался на поверхности, внезапно погрузился в глубину. Спасённые же были доставлены на сушу целы и невредимы. По прошествии двух дней пути они добрались до шалашей (где укрывались их спутники) и рассказали им, сколько утешения и помощи они получили от о. Франциска.

[30] А сразу после высадки на берег (такой случай не подобает обойти молчанием), человек Божий пошёл вдоль черты прибоя, разыскивая хабит, который, как мы говорили, упал в волны. В то время как остальные утверждали, что найти его невозможно, святой, словно был совершенно уверен в успехе, отвечал: «Я надеюсь на Бога и верю, что серафический отец мой Франциск ныне возвратит мне хабит, дарованный мне его орденом». Сказав сие, он продолжил путь, а через полчаса вернулся к другим, облачённый в хабит с капюшоном и препоясанный поясом. Притом на одежде его не оставалось ни малейших следов влаги.

[31] Ну и вот, избежав морской бури и оказавшись на земле, путешественники терзались теперь муками смертоносного голода. Ибо в краю том, пустынном и оцетинившемся неприступными горами, несчастные ничего иного не находили для пропитания, кроме безвкусных кореньев и хилой травы. Были там, правда и какого-то рода яблоки, но кто вкушал их, умирал в течение суток.

Тронутый сими несчастьями, заботливый отец собирал травы собственноручно и, благословив их во имя Пресвятой Троицы, потчевал прочих. Часто он также делился с каждым рыбой, выловленной из вод (наверняка, с помощью Божией). Таковую пищей, освящённой любовью святого мужа, все живы-здоровы продержались в течение шестидесяти дней странствия.

[32] Кроме того, дабы преклонить Божию справедливость, он в тесном и убогом шалашике устроил молельню, а в ней – алтарь с образом Богоматери Марии, спасённым в последний миг при кораблекрушении. Пред ним он ежевечерне пел *Salve Regina* («Славься, Царица»). Сверх того, на расстоянии пятисот шагов от того места он соорудил себе другую, чрезвычайно тесную хижинку, куда удалялся, угостив остальных словом Божиим и пищей телесной. Там он молениями непрестанными (при коих, как видно, на него иногда нисходила небесная радость), покаянными подвигами и самобичеваниями просил Вечного смиростивиться.

Когда же по поводу выброшенной морем на берег утвари среди спасшихся от кораблекрушения поднялась новая, ещё более опасная буря гнева и разногласий,

святой муж, желая погасить её, вышел из своего шалаша нагим (оставив лишь штаны) и суровым ливнем ударов, исторгавшим невинную кровь из его плеч, и громкими стонами так смягчил души спорщиков, что те, вмиг примирившись, в смятении пали к его ногам, умоляя о прощении.

[33] После кораблекрушения комиссар о. Бальтазар Наварро, снарядив лодку, отплыл с несколькими испанцами в город Панаму, отстоящий оттуда на сто лиг, дабы просить провизии и корабль. И вот прошло уже пятьдесят дней с их отбытия, а долгожданная помощь для тех, кто остался в ужасной пустыне, так и не явилась.

Итак, когда взошла первая звезда в навечерие Рождества Христова, они, отбросив всякую надежду на избавление, разверзли уста в скорбных стенаниях и горестных воплях. В сей бедственный миг человек Божий Франциск всем существом своим был захвачен радостью и ликованием – ведь то была ночь Рождества! Словно ангел мира, он вошел в шалаш, где лежали несчастные, и призвал их вознести хвалу Богу и Деве за грядущее утешение.

Слова святого слишком часто подтверждались, а потому ему поверили сразу; скорбь претворилась в радость, и день Рождества Христова был отпразднован в общем веселии.

Не прошло и трёх дней, как пророчество Франциска исполнилось. Товарищи возвратились и привели корабль, нагруженный провизией, полученный от Королевской аудиенсии (*высший суд. и адм. орган Испанской империи. – прим. пер.*) в Панаме. Все, подкрепившись, благополучно отплыли в порт Пайта, ну а Франциск с прочими иноками сухопутным путём отправился в город Лиму.

ГЛАВА IV. ПУТЬ ИЗ ГОРОДА ЛИМЫ В ТУКУМАН, АПОСТОЛЬСКИЕ ТРУДЫ СРЕДЬ ИНДЕЙЦЕВ И СОВЕРШЁННЫЕ ТАМ ЖЕ ЧУДЕСА

[34] После того как участники святой миссии восстановили в городе Лиме телесные силы, подорванные столь утомительным странствием, они вновь отправились в путь, ещё более трудный. Движимые лишь ревностью о спасении душ, они устремились в Тукуман, или, как те края называют в обыденной речи, Рио-де-ла-Плата, сиречь Серебряная Река. Им предстояло преодолеть более семисот лиг через непроходимые и засушливые места, пересекаемые быстрыми и глубокими реками, одолеть тысячи опасностей и вынести несчётные труды.

Тамошним диким и свирепым народам незадолго до того воссиял ясный свет Евангелия благодаря проповеди о. Ильдефонса св. Бонавентуры из Андалусии, реколлекта строгого соблюдения. Однако предтечею его был бр. Луис Боланьо, тогда всего лишь диакон. В совершенстве изучив местные наречия, он перевёл на них христианское учение и Лимский катехизис, а впоследствии, став священником, великое множество приобщил к лону Церкви и по заслугам может именоваться апостолом того края.

[35] Вот в какой виноградник направлялся наш Франциск, собираясь возделывать его и приумножать. Войдя в него, он взял на себя попечение о народах, населяющих Сокотон и побережье реки Магдалена, и о многих других, дабы как пастырь и духовник наставлять их в святом учении и вводить в таинства. Посему он вооружил себя всеми добродетелями апостольского миссионера.

Прежде всего, предпочитая дела словам, он молитвами, постами и добровольными мучениями подчинял дух Богу, а плоть – духу, являя скромность, кротость, ревность, любовь. Строгость подвига его обнаруживалась в том, что ходил он бос, одевался убого и питался скудно. Его часто видели у входа церкви, простёршимся крестообразно на полу, когда он в глубине сердца подолгу беседовал с Богом, вверяя себя и своё служение Его покровительству.

[36] Препоясавшись сим оружием, дабы вступить в войну с чужими пороками, изобличить их и искоренить, он ревностно взялся за изучение невероятно трудных языков местных язычников и усвоил их не столько благодаря острому уму и цепкой памяти, сколько божественным вдохновением. Ибо, по свидетельству всех, чудным и сверхъестественным казалось, что в кратчайшее время он столь совершенно изучил все тамошние запутанные и разнообразные говоры (особенно токонотико, на который ушло пятнадцать дней).

Он понятно изъяснялся и даже самих урождённых местных жителей превосходил в лёгкости и правильности речи, поправляя в разговоре тех, кто ошибался; сталкиваясь с чем, дикари, не разумевшие благодати Божией, вначале приписывали сие колдовскому искусству. Более того, ходили упорные слухи, что индейцы разных племен, коих он наставлял в божественном учении на кастильском наречии, понимали его, словно бы он говорил на их собственных языках.

[37] Итак, изучив их говоры, человек Божий усердно трудился в проповеди слова Божия: обходил все те дремучие местности и, отбросив страх смертный, доносил евангельское слово до самых отдаленных областей. Ни труд никакой, ни нужда не останавливали его в стремлении вырвать заблудших овец из алчной пасти адского волка. Все исповеди он принимал благосклонно, страждущих и бедами удручённых утешал нежнейшими словами, принимая несчастья их как свои собственные. Особую заботу он проявлял к больным и часто навещал их, потчuya принесённой с собою пищей.

Однажды он посетил тяжело болевшего индейца. Тот был при смерти и не в силах говорить. Святой, громко воскликнув, велел ему высказать тайны сердца и сокровенные пожелания на своём родном наречии, заверив, что хотя прежде и не знал его, теперь поймёт. Тогда больной, язык коего отверзся от сих слов, попросил, дабы его научили христианской вере и приготовили к таинству крещения. И так, наученный святым отцом и омытый в купели спасения, он почил в мире.

[38] Слушая благочестивые речи кроткого мужа, дикари обращались, отбросив свою жестокость, а он их, очистив в священных водах, возрождал к жизни в Духе. Иные, привлечённые славою его святости, приходили к нему по собственному почину. Их он благостно научал и крестил. Так бесчисленное их множество он укротил евангельской благодатью.

И столь велико было всеобщее к нему уважение, что он одним лишь устным велением добивался того, чего не могли исторгнуть у них ни строгость справедливости, ни страх наказаний. Стоило лишь позвать, они тотчас же являлись и усердно исполняли то, что он приказывал делать.

[39] Свидетельством сей власти, каковую он снискал смирением и любовью, является следующее событие.

Однажды в день святой Вечери Господней, когда христиане справляли священные обряды, собралась и вооружилась огромная многотысячная толпа неверных дикарей, намереваясь устроить верным смертоносную войну. Сие застало христиан врасплох, и они в ужасе ожидали страшного побоища.

Тогда явился человек Божий Франциск, вооружённый мечом священного слова, проникающего до мозга костей (*ср. Евр. 4:12*). И хотя он обращался к людям различных и неведомых ему языков на наречии лишь одного из племён, однако столь плодотворно возвестил католическое учение, мир и согласие, что обратил более девяти тысяч из них и в ответ на просьбу о крещение сделал их христианами. В них свершилась столь глубокая и искренняя перемена, что весьма многие из них той же ночью бичевали себя вместе с католиками в подражание Христу, бичеванному за нас у столпа.

С того-то времени и распространилась среди тех племён молва, что, когда Франциск проповедует на одном наречии, его ясно понимают многие, говорящие на разных языках. Та же сила врожденной кротости немедленно привела к миру народы, населяющие окрестности города Сантьяго-дель-Эстерио, угасив ненависть, коей они пылали друг к другу.

[40] Славу сего святого мужа и почтение к нему приумножали великие благодеяния, что творил он племенам, и просиявшие от него чудеса.

Проповедовал он евангельские истины у индейцев земли Сокотон, в окрестности местечка Талавера [названного так в честь города Талавера-де-ла-Рейна, недалеко] от Мадрида, что в провинции и епархии Тукуман, и услышал, что некоторые из тех племён терпят тяжкие лишения из-за недостатка воды, отчего подумывают покинуть сие место, что нанесло бы им большой ущерб и потребовало огромных трудов. Человек Божий явился к ним и, просвещённый божественным светом, заявил, что недалеко скрывается жила воды. Те отказывались верить, зная на опыте, что там издавна было сухо. А Франциск, выйдя с ними в поле, обозначил посохом место на совершенно сухой земле и велел им копать, несмотря на неверие. Лишь только они взрыли землю, как забил преобильный источник чистой пресной воды.

Он и доныне остался настолько обилен, что воды из него хватает для вращения двух мельниц, и аж по сей день местные испанцы и индейцы называют его «Источником святого Солано». Мало того, он обладает чудесной силой исцелять людей от недугов, что подтверждается множеством знамений.

[41] Когда человек Божий странствовал по оным безводным областям Тукумана и направлялся из парагвайского городка Санта-Фе в Кордову (*в нынешней Аргентине. – прим. пер.*), случилось так, что на протяжении всего трёхдневного пути, вплоть до четвёртого дня, не хватало воды. Среди спутников святого многие изнемогали от зноя и жажды, но двое солдат оказались нетерпеливее прочих и души свои предали отчаянию, а языки – ужасным кощунствам. Тогда Франциск, терзаемый острой болью от наносимого Богу оскорбления, сказал досточтимому мужу о. Андресу де Фисагирре, проповеднику-мерседарию, что путешествовал вместе с ним: «Хотя

кошунства, кои они изрыгают на Имя Божие, и делают их недостойными всякой благодати, однако я хочу им и прочим указать источник воды. Так что ты взойди на вершину сего холма, где найдёшь место сухое, бесплодное и открытое ветру, а на нем – сложенный пополам листок бумаги. В двух шагах далее – круглый камень. Если ты его сдвинешь, то обнаружишь бьющий родник».

[42] Андрес повиновался слову слуги Божия и всё нашел – в том порядке, как было указано. Когда же каждый в достатке напился воды, мерседарий пожелал взять листок бумаги, каковой оставил внизу, но не отыскал его. Наконец, спустившись с холма и вернувшись к святому мужу, изумился: лик того был озарён неким огненным отблеском и дивным сиянием.

Затем они продолжали путь, а когда показалась виселица, возведённая рядом с Кордовой, Франциск Солано, обратившись к упомянутому о. Андресу, предсказал, что те двое солдат за жесточайшую смерть, причиненную некоему человеку, будут повешены на ней на следующий день. И на самом деле, в тот же день, когда поступили сведения от председателя аудиенсии Чаркаса, было приказано схватить их и, по слову пророка, на следующее утро предать смерти через повешение.

[43] Случилось также однажды, что индеец позвал Франциска на похороны своего умершего сына. Войдя же в дом его, слуга Божий обнаружил, что мальчик здоров и греется у огня. Посему он упрекнул родителей, что они так обманули его, но те утверждали, что сын и вправду был мёртв. Отсюда пошел слух среди всех окрестных народов, что тот мальчик был восставлен из мёртвых молитвами и заступничеством святого мужа Солано.

[44] Задержавшись из-за болезни в городке Тодос-Сантос провинции Тукуман, слуга Божий Франциск, просвещённый тем самым Духом, коим Господь Христос узрел Нафанаила под смоковницей (*Ин. 1:48*), проведал, что некая индианка, служанка Педро Сотело, вешается собственными руками. Посему он призвал пресвитера Эммануэля Муньеса и попросил его как можно скорее отправиться на ту стороны горы, тем-то и тем-то путём, и привести к нему индианку, которую там найдёт. Священник отправился, но, задержанный разговором с неким встречным в пути, дошёл слишком поздно, застав индианку уже при последнем издыхании. Когда он вернулся к святому отцу, тот, скорбя и оплакивая смерть несчастной, без обиняков объявил, что ему известна причина задержки, и добавил, что около полудня испанцы найдут тело повесившейся.

Когда это случилось, Франциск приказал, чтобы индейцы сами сожгли труп огнём в назидание им и в знак омерзения к таковому поступку. После сего святой муж обратился к индейцам с суровой речью, которая так глубоко подействовала на них, что впредь они почитали сей род смерти отвратительным.

[45] Великому почитанию слуги Божия Франциска Солано среди индейцев весьма способствовала Божественная защита, которая необычайным образом оберегала его при всяком опасном случае.

Однажды в городке Сан-Мигель провинции Тукуман устроили корриду (*solennis taurogum exercitatio*). Некий неукротимый и свирепый бык, перепрыгнув ограду, злополучно умертвил нескольких индейцев. Как раз это время слуга Божий

проходил мимо, и хотя никакая человеческая сила не могла спасти его от нападения той взбесившейся твари, он не только не убоился, но бестрепетно бросил свирепому животному свой веревочный пояс. Бык, тотчас же успокоившись, коснулся вервья губами и носом, а затем, словно в овцу обратившись, пошёл себе дальше. Велико было изумление наблюдавшего сие народу, но мало того, сам губернатор, встретив Франциска, сказал: «Так ты, отче, укрощаешь диких быков?» Но тот смиренно приписал все случившееся милости Божией.

[46] Среди племени сокотон широко известно, что, когда Франциск Солано в другой раз странствовал по той же области Тукуман, он встретил неукротённого быка, который свирепостию своей весьма устрашал проходивших там. Когда же он яростно бросился на человека Божия, тот пал на колени и простёр к нему невинные руки. Животное, тоже склонившись, прильнуло губами к ладоням святого и мирно удалилось в горы, освободив ему путь.

Наконец, видали и другого быка, не менее свирепого: он лизал руки святого отца, почтительно касался ртом его хабита. И хоть раньше он был смертельно опасен, пред сим другом Божиим укротился и стал ручным.

[47] Когда святой муж обходил те края с евангельской вестью, оказался он на берегу быстрой и глубокой реки, где не было лодки. Тогда он, возведя очи к небу, постлал на воду плащ и, ведомый верою, словно кормилом, под попутным ветром божественной помощи переправился через реку ко всеобщему изумлению наблюдателей.

В другой раз при переправе через реку напор вод внезапно подхватил его плащ и увлек его вниз по течению. Когда святой муж достиг противоположного берега, он продолжил путь вверх, а некий Андрес Гарсия де Вальдес, что был среди его спутников, немного пройдя с ним, захотел вернуться назад, дабы, если удастся, вернуть унесённый водами плащ. И вот у места, куда они вышли при переправе, он нашел его в траве в сложенном виде, словно бы его там поместили человеческие руки, хотя течение реки должно было унести его гораздо ниже.

[48] Когда он путешествовал из местечка Сан-Мигель в город Сантьяго-дель-Эстеро, отказываясь по дороге от всех предложений подвезти, то пришёл к глубокой реке. Из-за зимней непогоды она паче обычного разлилась и текла быстрее. Надежды переправиться не было никакой. Причём с одной стороны грозили москиты, коими обыкновенно кишела та местность, а с другой – надвигалась опасность голода, ибо край был безлюдный.

Вместе с человеком Божиим переправы ожидали более двадцати человек, а с противоположной стороны – сорок повозок и многочисленная толпа путников. Тронутый их скорбью, Франциск обратился к Богу, обрёл твердую надежду на скорую помощь и молвил окружающим: «Не страшитесь, возлюбленные братья, ибо завтра в девятый час (то есть третий час до полудня) вы переправитесь через реку! Она уймётся, и воды спадут. А поелику я знаю, что вы голодаете, попробую приготовить вам ужин».

[49] Вскоре затем, забросив сети в воды, он вытащил множество рыбы, и сам один почистил её и, сварив, раздал прочим в обильное угощение. А заодно, горячо

помолившись, допросился от Бога, дабы в ту ночь москиты никого не тревожили. На следующий же день, в предсказанный час река успокоилась, вошла в берега и стала легко переходимой вброд. Когда все с обоих берегов переправились, она внезапно опять поднялась, хотя всё то время не было дождя, да и никакой другой естественной причины такого разлива.

[50] Однажды густейшая туча саранчи налетела на пшеницу капитана Андреса де Иноиса. Призвали на помощь человека Божия, и, надев столу и совершив обряд изгнания, он окропил посеvy святою водою. Затем, преклонив колена, велел этим насекомым уйти, не повредив пшеницы. Указав перстом на некие горы неверных и явственно их очертив, он приказал малым тварям немедленно перелететь туда. Саранча услышала веление Франциска, или, вернее, Бога, говорившего в нём; насекомые тотчас же поднялись и, сбившись в плотную кучу, перенеслись по воздуху к указанным землям. Когда же люди спрашивали святого, почему он не поразил сих тварей проклятиями, милостивый муж ответил: «Потому что, как некогда Иоанн Креститель, так ныне индейцы употребляют их обычно в пищу».

ГЛАВА V. ДВЕ ДОЛЖНОСТИ В ОРДЕНЕ И ОТКАЗ ОТ ОБЕИХ; РЕВНОСТЬ О ВЕРЕ В ГОРОДЕ ЛИМЕ И ПЛОДЫ НЕУСТАННЫХ УВЕЩАНИЙ, КАК ПУБЛИЧНЫХ, ТАК И ЛИЧНЫХ

[51] В сии времена в долине Хауха а состоялся провинциальный капитул под председательством отца Франсиско Антонио Ортиса, комиссара перуанских провинций. Там человека Божия Франциска избрали руководителем (moderator) кустодии Тукуманской. Он не возгордился сим служением, но просил освободить его от оногo с такой горячностью, с каковою многие другие, охочие до подобных должностей, домогаются их. Однако, связанный послушанием, он принял назначение и, стремясь добросовестно исполнять обязанности кустада, прилежно наведывался во вверенные ему обители, в коих сиял подобно зеркалу истинной святости.

[52] Когда кустод задержался на некоторое время в городке Талавера (иначе называемом Эстеко), один благочестивый и достойный доверия инок наблюдал, что тот проводит бессонные ночи в молитвах и бичеваниях, а также заметил, что на голое тело носит власяницу и одеяния из грубейшей звериной шерсти.

Слыхали и как он произносит свои увещевания: слова то были небесные и огненные! Воздерживаясь от всякого слова шутилого или праздного, он всегда побуждал подчинённых к святому послушанию.

Наконец, человек Божий Франциск, много потрудившись, возделывая сей виноградника великого домохозяина (ср. Мф. 21:33), завершил свой год служения в обязанностях кустада. Он часто с настоянием просил у начальствующих, дабы они приняли его отставку, и желание его исполнилось. Однако тем дело не ограничилось: упомянутый комиссар призвал его в Град Королей (Лиму. – прим. пер.), дабы там он возглавил новоучрежденную общину Реколлекции в качестве основателя и ректора.

[53] Итак, соблюдая послушание, он отбыл из той области, что доставила простому народу, а особенно индейцам, великое огорчение. Они сокрушались, восклицая, что

лишаются своего святого отца и утешителя, и горевали, что так мало успели воспользоваться его присутствием. Некий же особенно преданный ему индеец, дабы сохранить хоть что-то на память, попросил у него вервие, коим он опоясывался. От прикосновения к нему потом свершались великие чудеса, и нет в том краю женщины, что при родах не призывает имени святого Франциска Солано и не опоясывается его вервием, отчего в городке Сантьяго-дель-Эстерио он хранится с великим благоговением.

Столь велика же была тоска по святому мужу в оных краях, что жители многократно с настоянием просили у прелатов вернуть его; и те вняли бы столь справедливым мольбам, если бы не препятствовало тому огромное расстояние, возраст и постоянные немощи Франциска. Некий же инок, приехав через несколько лет из той области, утверждал, что индейцы по-прежнему скучали по святому отцу и горячо желали его возвращения.

[54] По повелению генерального комиссара человек Божий Франциск Солано был отозван в Лиму и поставлен викарием и настоятелем новоучреждённой обители общины реколлектов Св. Марии Ангелов. Впрочем, хотя он и принял сие служение, вынужденный к тому послушанием, однако удерживал его недолго, ибо тому противилась добродетель смирения, причём святой часто с настоянием уговаривал начальствующих принять его добровольную отставку.

Впоследствии, когда генеральный комиссар о. Хуан де Монтемайор возложил на него обязанности гвардиана той же обители, он вновь, мня себя немощнее прочих, слезами, воздыханиями и мольбами, добился освобождения от сего бремени, а дабы скрыться от глаз начальства, похлопотал, чтобы его отправили в Трухильо, словно бы в некое убежище, где он и пребывал некоторое время.

Наконец, его призвали обратно в Лиму, где на провинциальном капитуле обязали взять на себя попечение об обители Св. Марии Ангелов, превратив её в великий театр (sic) добродетели. Однако управлял он им лишь четыре месяца и после множества смиренных просьб получил разрешение вернуться к предпочитаемой им жизни простого подчинённого.

[55] Итак, признав, что призван туда Богом, святой пребывал в городе Лиме и в окрестных местах и всеми силами трудился на ниве сей, очищая её, возделывая и унавоживая. То он отверзал язык для проповеди, то открывал ухо для исповедей, то простирает руку для дел милосердия. Часто Франциск выходил на городские площади, где, вынув Распятие (которое носил в рукаве), проповедовал огненными апостольскими словами, в коих описывал слушателям страсти Спасителя нашего, внушал любовь к Богу, а к пороку – ненависть, восхвалял достоинство добродетели.

Порой, когда он шествовал стогнами города и, высоко подняв Распятие, возглашал весть спасения, собиралось столь великое множество народу, что проход по общим улицам оказывался перекрыт. А ещё он заходил в церкви, если видел, что по случаю какого-либо особого торжества там собрался народ, и, взойдя на амвон, произносил краткую, но пылкую проповедь, а затем быстро переходил в другое место, дабы и там творить сие служение.

[56] Часто, побужаемый Духом Божиим, он направлялся в театры и на мирские зрелища. Отбросив застенчивость, внушаемую страхом перед людским мнением, он всходил на возвышенное место или прямо на сцену и, показывая изваяние окровавленного Искупителя, пригвождённого за нас к крестному дереву, словами, слезами и воздыханиями призывал воззреть на горестную трагедию Страстей.

Часто после долгих молитвы пред образом Серафического доктора Бонавентуры (кого почитал чрезвычайно) Франциск, получив разрешение от генерального настоятеля, выходил на люди и возвещал о делах Божиих красноречиво и вдохновенно.

Часто, направляясь в места мирских забав и развлечений (а посему открытые для кошунов, сквернословия и всяческих грехов), он смело обличал игроков, кошульников, драчунов и отвращал их от злых нравов. Сими средствами он добивался величайших обращений.

[57] Выйдя так однажды проповедовать, он произнес первое увещание на городском перекрёстке. Вначале его слушало самое большее три-четыре человека. Но, высоко подняв Распятие, он столь могуче призвал люд к любви Божией, что тотчас же сбежалось огромное множество народу, перекрыв уличные проходы. Сопровождаемый затем толпами, святой перешёл на площадь и, наконец, после второй проповеди едва смог выбраться оттуда из-за чрезмерной плотности окружавших его и вернуться в обитель.

По завершении такого рода выступлений он обычно поторапливался обратно в монастырь и забивался там в какой-нибудь уголок, стараясь укрыться от рукоплесканий следовавших за ним людей.

[58] Сверх того, в частных беседах он наставлял инокинь в монастырях, заключённых в темницах, больных в приютах, мирян при встречах и посещениях; и так, разными целительными средствами – кого осмотрительными упрёками наедине, а кого в непринуждённом разговоре – он многих направил на путь спасения.

Однажды он зашёл в обитель Воплощения в городе Лиме, где некая монахиня, тревожимая вражьими искушениями, страдала от взятых на себя подвигов и мучилась от уныния. Единственной духовной беседы со святым хватило, чтобы освободить её всякой сердечной скорби и вернуть мир душевный.

Так же и другую инокиню монастыря Непорочного Зачатия в том же городе, помышлявшую покинуть обитель, он силою слова удержал от задуманного и переменил её умонастроение к лучшему.

Ещё он часто проповедовал босым кармелиткам в монастыре св. Иосифа, и под руководством столь красноречивого наставника оные благочестивые девы невероятно преуспевали в христианском подвиге, строго соблюдая притом устав.

[59] Однажды некий мирянин усердно и с великой сердечной скорбью сердца просил о. Хуана Лаинеса, дабы тот незамедлительно уделил ему таинство покаяния. На вопрос о причине столь срочной и горестной просьбы, мужчина ответил, что, когда он проходил монастырским двором, ему встретился некий монах, с лица

незнакомый, который, пав на колени, молил его впредь Бога не оскорблять, а грехи изгладить исповедью.

Между тем там случайно проходил слуга Божий Солано. Покаявшийся мирянин, узнав его в лицо, засвидетельствовал, что это именно тот, чьи увещание и мольбы внушили ему дух сокрушения. Притом святое увещание человека Божия столь прочно запечатлелось в уме его, что в дальнейшем он стал чаще бывать на мессе, и многократно видали, как к таинствам он приступал, обливаясь слезами.

[60] Некому юноше, случайно встреченному в том же монастырском дворе, слуга Христов дал наставление соблюдать заповеди Божии и любить Бога всем сердцем. Сказав сие, святой удалился, но слова его подвигли юношу к сокрушению, отчего он ощутил пылкое побуждение немедленно оставить мир и принять святой иноческий образ. Вскоре он облачился в хабит Братьев Меньших в обители св. Франциска.

Однажды человек Божий посетил доктора Альберто де Акунью, декана аудиенсии и канцелярии Града Королей. Побеседовав с ним о небесных предметах, он невероятно глубоко его взволновал. В итоге и сам доктор, и другие присутствовавшие при беседе заметили, что слова святого воспламеняли в них дивный жар, так что они могли бы отнести к себе слова: «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам... и когда изъяснял нам Писание?» (Лк. 24:32)

[61] Марии Арбаналь, весьма благорасположенной к Францисканскому ордену, он однажды в пылу духовном трижды повторил: «Дочь, люби Бога!», а после третьего повторения затих на какое-то время, словно изшед из себя самого. Она же, ужаленная сими словами, словно огненными стрелами, чувствовала великий внутренний пыл и неизреченную сладость сердца. И столь запечатлелось сие краткое его увещание в уме её, что впредь ей всегда чудилось, будто оно звучит у неё ушах.

Да и вообще, сила в речах у Франциска была чрезвычайная. Так, некий муж испытанной веры утверждал, будто, заслышав, как святой отец ведёт беседу, он зачастую чуть ли не в обморок падал от могучей любви и нежности.

[62] Капитана Франсиско де Вилеха, весьма дружески и почтительно расположенного к нему, слуга Божий несколько раз просил, дабы тот не отказал ему в том, чего он попросит. Тот охотно согласился, полагая, что [святой] окажет ему помощь в кое-каких земных заботах (чего он уже и заждался). А святой отец ему: «Прошу, как можно скорее исповедай грехи свои, а затем прилежно их остерегайся». Капитан внял сим наставлениям и, совершив исповедь, исправил жизнь, а спустя несколько лет скончался без завещания.

[63] В год Господень 1609-й великое землетрясение потрясло ночью Град Королей. На следующий же день, когда монахи и миряне молились пред Свв. Дарами, выставленными в церкви Братьев меньших, земля вновь содрогнулась от внезапного толчка, отчего все в трепете и смятении обратились было в бегство. При этом человек Божий Франциск, став бездвижно, удерживал народ, не давая никому выйти, а сам при том проповедовал. Столь пламенно было слово его и такую дышало святостью, что все, как бы чудом, прониклись сокрушением и возгнушались грехами

своими. В итоге народ слезами, воздыханиями, а также молитвами умолил милосердие Божие, а правосудие Его утишил.

ГЛАВА VI. О ТОМ, КАК ПО ЕГО ВОЗЗВАНИЮ ГОРОЖАНЕ ЛИМЫ ЧУДЕСНЫМ ОБРАЗОМ ПРИШЛИ К ПОКАЯНИЮ, А ТАКЖЕ О ЕГО ЭКСТАЗАХ ПРИ ПРОПОВЕДЯХ

[64] Некогда ассирийская столица Ниневия смердела язвами всяческих злодеяний, но по велению Божию в неё вступил Иона (ср. *Иона 3:2-4*) и предсказал грядущее через сорок дней её низвержение. Однако поскольку неизменный Бог знает, как изменить приговор, если человек узнает, как исправить содеянное, то последовавшее покаяние народа ниневитянского утишило ярость небесного гнева.

Великие и чудовищные преступления города Лимы также вызывали справедливый гнев оскорбленного Божества, и вот, человек Божий Франциск Солано (как есть достойные основания полагать), побуждаемый Духом Божиим, однажды вечером, в году 1604-м, вышел из обители Реколлекции святой Марии Ангелов (коею он тогда управлял) в город. Выходя, он сказал привратнику: «Молись за меня Господу, ибо я иду на великое служение Ему». Пройдя к главной площади города, он предстал пред народом с задумчивым и скромным лицом, внушающим покаянные чувства. Когда народ собрался, он начал резко обличать гнусные пороки, похоть и распутство.

[65] Не зря Господь сказал святым проповедникам: «...Не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (*Мф. 10:20*)!

Бичуя суровым обличением мерзость грехов и возвещая духовную гибель растленного города, Франциск приводил известный отрывок из 2-й главы 1-го Послания Иоанна: «Всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. [И мир проходит, и похоть его] (*1 Ин. 2:16-17*), но грозил он скорым разрушением и тяжким наказанием не сему материальному городу, но душам жителей, кои были поражены оным тройственным злом: плоти, алчности и гордости. А случилось так, как с Христом, Который, приводя слова Евангелия (ср. *Мф. 26:61*): «Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (ср. *Мф. 26:61, Ин. 2:19*), не храм имел в виду, но Тело Свое (ср. *Ин. 2:21*). Ведь Тот же, Кто двигал языком Проповедника – Бог – так ослабил сообразительность слушающих, что все посчитали, будто слуга Божий пророчески говорит о разрушении города Лимы.

[66] Поэтому слух о грядущем его низвержении, пролетев по целому городу, поразил всех смертным страхом и трепетом. Никто и не усомнился, что случится именно то, что он (как говорят) предвещает; ведь муж то святости великой и сколько раз уже подтверждалось, что возвещает он истину.

И вот, весь город облачился в скорбь и печаль. Люди всех возрастов, обоих полов и каждого сословия били себя в грудь, вознося просительные молитвы о милосердии Божиим. В распахнутых настежь воротах церквей были выставлены Свв. Дары, исповеди совершались с горчайшим сокрушением, для принятия множества коих во всём городе не хватало священников.

[67] Тогда некоторые из тех, что в течение многих лет скрывали ужасные преступления, сбросив узду стыда, со слезами и рыданиями в них признавались.

Другие же, если им из-за многолюдства не удавалось пробраться в исповедальню для личной исповеди, прилюдно обнажали потаённые раны совести.

Среди них была некая женщина, которую особенно глубоко поразил страх пред судом Божиим и сознание мерзости своих злодеяний; она громко восклицала, что город погибнет именно из-за её преступлений, ведь даже в эту самую ночь она намеревалась вступить в кровосмесительную связь с собственным сыном.

Также некий мальчик, лет на вид двенадцати, припав к ногам настоятеля обители св. Августина, исповедал совершенно жуткое и даже выходящее за пределы всего человеческого злодеяние, отчего исповедовавший его священник впоследствии, размышляя о нём, заподозрил, что не человек, но диавол скрывался под сим обликом.

В ту ночь люди отбрасывали застарелую ненависть и закоренелую неприязнь, возобновляли дружбу, расплачивались с долгами, возвращали похищенное, возвращали доброе имя [ославленным]. Да и вообще, так искренне все плакали, скорбели, каялись, что не осталось никакого места для сомнений: свершилась перемена десницы Божией (*Вульг. Пс. 76:11*).

[68] Оный спасительный ужас достиг даже иноческих обителей. Так, отцы монастыря св. Доминика, тотчас разразившись стенаниями и воплями, вооружились все как один орудиями добровольного самоистязания и принялись яростно стегать себя – кто бичами грубейшими, кто цепями железными. Затем, устроив крестный ход, они благочинно пронесли из послушнического общежития в церковь Свв. Тайны Евхаристии, благоговейно воспевая святые литании, дабы умиловить небесное правосудие.

[69] В то время Перуанским королевством управлял Его сиятельство граф Монтеррейский. Услышав о волнении в городе, он той же ночью созвал к себе совет королевской аудиенсии. Рассмотрев на нём обстоятельства внезапной паники [что охватила Лиму], он решил посоветоваться по сему поводу и с преосвященным архиепископом города – Турибием Альфонсом де Могровехо (*св., пам. 23 марта*). Итак, после обоюдного обсуждения дела предстоятелю и вице-королю было угодно через провизора архиепископства Мигеля де Салинаса передать о. генеральному комиссару провинций Серафического ордена в городе Лиме, дабы тот тщательно расследовал происшествие.

И вот, когда человека Божия Солано вызвали к комиссару, он бестрепетно направился к нему, а некоему брату, сказавшему «Не бойся», ответил: «Знай же, брат Иоанн, что я проповедовал по приказанию Божию». Итак, на повеление повторить слова речи своей, он привел упомянутые выдержки, в частности, из 1-го Послания Иоанна, и остальную проповедь столь внушительно и пылко, что взволновал до слёз всех присутствовавших (а их было немало) монахов к плачу, а у многих, как было замечено, волосы встали дыбом от страха пред судом Божиим.

[70] Объяснение же человека Божия, в коем он утверждает, что слова сии подразумевали гибель души, а не города, было записано и передано архиепископу и вице-королю, после чего его, дабы унять людской перепуг и смятение, обнародовали. Тем не менее страх возрастал и плач усиливался. Тогда правящий

вице-король сказал присутствующим: «Не напрасно мы трудимся, ибо сие с очевидностью дело Божие. Так Величество Его изволило смягчить ожесточившиеся и склонные ко злу сердца человеческие и обратить их к добру».

И правда ведь, Франциск произнёс слова свои исключительно по внушению Божию, и хотя сознательно он сам ничего иного не имел в виду, кроме как духовного распада души, поражаемой оным тройным оружием, однако вполне благочестиво и разумно можно рассудить, что по замыслу Божию народу предвозвещалось вещественное разрушение города, если бы, обратившись, он не умилиствовал карающий гнев.

[71] Материал же и стиль плодотворной проповеди святой отец обретал не иначе как лишь в усердной молитве да Слове Божиим; именно оттуда он извлекал те разящие и жгучие обличения. Из источников созерцания и Священного Писания он почерпнул обильные воды, коими оросил всю поверхность земли той. Притом проповедь Франциска не была безжизненна или суха, ведь те чувствования, что он намеревался внушить другим, прежде вполне усвоил себе. Посему, когда он собирался склонить слушателей к слёзному плачу, взгляд и лик его выражали заразительную скорбь. Между тем, изъясняя Божественные тайны, он порой восхищался вне себя и, растворившись в их созерцании, терял дар речи и слуха, предпочитая красноречию молчание.

[72] Однажды, в торжество св. Диего (*отмечавшееся францисканцами 12 ноября. – прим. AASS*) Франциск молвил в лимской обители слово о драгоценной его смерти, а дойдя до того мгновения, когда святой во время оно произнёс слова: «Сладостно древо, сладостны гвозди» (*Dulce lignum, dulces clavos; литургический гимн. – прим. пер.*), так взволновался, что ослабел от нежности. Вынужденный из-за этого смолкнуть посреди проповеди, он совершенно вне себя метнулся прочь от кафедры.

Как-то раз, в день Посещения Пресвятой Девы Марии, святой молвил слово спасения инокиням Св. Клары. Дойдя до строчки из Песни Богородицы: «И возрадовался дух мой» (*Лк. 1:47*), он, возведя очи к небу, произнес дивные слова о Деве и о Слове, воплотившемся в утробе Её. А повторив «И возрадовался дух мой», он ощутил такую сладость и ликование, что, вне себя, склонил голову к краю решётки (*разделявшей в затворническом монастыре монахинь и посетителей. – прим. пер.*) и обхватил её руками. Казалось, он изнемогал, словно невеста из Песни Песней (*Песн. 2:5*).

Когда, стоя пред образом Распятого, весь в слезах, он описывал грозные Страсти Спасителя, ожесточенные и бесчувственные души слушателей пробуждались к сокрушению и плачу.

Одним словом, сей истинный сын Серафического отца и верный ученик его в кратких речах указывал народу пороки и добродетели, возвещал наказание и славу.

ГЛАВА VII. РАЗРУШЕНИЕ ТРУХИЛЬО, ЗАДОЛГО ПРЕДСКАЗАННОЕ СВЯТЫМ, И МНОЖЕСТВО ИНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ПРОРОЧЕСКОГО ДУХА

[73] Родник молитвы – неисчерпаем, а из него бьют ручьи благодатные, словно бы множественные следствия от преобильной причины. Поистине именно здесь вершилось то причастие небесного света, коим просветленный ум слуги Божия видел будущие события в мрачной мгле случайности и проникал в непостижимые

тайны человеческого сердца. Сей же [свет небесной премудрости] придавал его проповедям глубокой значимости.

Поистине неисчислимы примеры того, как святой обретал богооткровенное познание, но здесь достаточно перечислить самые главные и наиболее душеполезные из них.

[74] Когда, как мы сказали выше, он удалился из города Лимы, дабы избежать предложенных ему должностей, и подался в Трухильо, в тамошней обители ему пришлось, хоть и поневоле, исполнять вверенное ему служение гвардиана. И вот в праздник св. Диего, 12 ноября 1603 года, держа речь к народу, он предвозвестил разрушение и гибель того же города (что было ему предзнаменовано свыше) за пятнадцать лет до того, как это случилось. Причём добавил, что хотя церковь (в коей он говорил) будет сотрясаться от толчков землетрясения, а на кафедре, с коей он проповедует ныне, падёт вся тяжесть рухнувших стен, однако она уцелеет и ничуть не повредится.

Всё сие исполнилось по слову его: 14 февраля 1618 года, то есть спустя восемь лет после кончины святого, ужасное землетрясение сравняло с землею здания и храмы того места, и великое множество народу было погребено под их развалинами. Сама же кафедра (с которой он изрёк сие пророчество) не потерпела ущерба, а добрая и бедная старушка, что спряталась под нею, избежала смертельной опасности.

[75] Когда святой муж предсказывал сие, он при этом увещевал супружескую чету – Диего Санчеса и Марию Ортегу – бежать от грядущего гнева (*Мф. 3:7*). Послушавшись его слов, они удалились в город Лиму. Там однажды реколлекто Диего Куриель стал уговаривать упомянутую Марию вернуться в Трухильо по причине тягот, кои она терпела в Лиме. Она же в ответ заявила, что святой о. Солано некогда сообщил ей, что если она останется там во время землетрясения, которое непременно случится, то плачевным образом будет погребена под развалинами. Впрочем, пророчество слуги Божия исполнилось до конца: ибо та несчастная женщина всё же вернулась в Трухильо незадолго до землетрясения, и её задавило упавшей стеною.

[76] Госпожа Мария де Сильва (жена Хорхе Манрике де Лары, рыцаря св. Святого Иакова и судьи в королевской аудиенсии Ла-Платы) тяжело рожала со страшными болями и была на краю смерти. Врачи отчаялись спасти дитя, извлечь которое нельзя было никак иначе, кроме как кесаревым сечением. А поскольку сие обычно влечет опасность для жизни, то прежде, чем прибегнуть к столь суровому средству, роженице предложили исповедаться да причаститься. Но она, с сердечною скорбью обдумывая свои обстоятельства, припомнила, что святой отец Франциск Солано четырьмя месяцами ранее наказал ей позвать его, когда наступит время родов, ибо она получит великую помощь, коли он окажется рядом.

И вот, когда человека Божия призвали, он сходу отговорил роженицу от сечения, как средства опасного, заверив, что она вскоре родит прекрасного мальчика. Между тем

боли роженицы усилились, глаза застлала мгла, она лишилась чувств. Все сочли, что это уже предсмертные корчи.

[77] Среди прочих присутствовал там главный секретарь Перуанского правительства, который в качестве последнего средства предложил опоясать умирающую вервием отца Солано. Едва священный шнур коснулся её, она тотчас же пришла в себя и явно обрела силы. Тогда упомянутый секретарь и слуга Божий удалились в соседнюю комнату. Побыв там недолго, они узнали от всех и от самой повитухи, что роженица избавилась от бремени и произвела на свет прекрасную девочку.

Человек же Божий, кому непогрешимая Истина точно предсказала исход событий, ответил, что все ошиблись с полом ребёнка; «Пусть присмотрятся, – сказал он, – повнимательнее! Ведь это мальчик, и его следует наречь именем Франциск». Итак, осмотрев дитя, обнаружили, что это прелестный и изящный мальчик, и в священной бане крещения из почтения и любви к слуге Божию получил он имя Франциск. Хотя женщина та впоследствии родила множество сыновей, сей, однако, всех пережил и достиг долгих лет.

[78] Отец Луис де Айяла, инок Общества Иисусова, когда еще жил в миру, однажды услышал от человека Божия Франциска, что некогда вступит в монашество. Получил он и другое неопровержимое знамение пророческого духа [святого]. Когда отец его, Феррер де Айяла, страдал от смертельной болезни и врачи уже отчаялись в его выздоровлении, пришёл [Луис] в монастырь Св. Марии Ангелов, дабы вверить его молитвам слуги Божия. А святой муж, предвидя приход его, прервал молитву, коей несколько дней предавался в отдалении от всякого человеческого общения, и направился к воротам монастыря. С обычным своим весёлым выражением лица он, упредив слова гостя, дважды повторил: «Весьма болен отец твой, однако это болезнь не к смерти (*ср. Ин. 11:3-4*)». Обещание же его затем сверх всякой человеческой надежды исполнилось.

[79] Подобным же образом и отец Андрес де Фисагирра, инок ордена мерседариев, пришёл просить молитв за болевшего генерального викария того ордена, а Франциск встретил его в монастырском дворе и, опережая вопрос, молвил: «Скажи отцу генеральному викарию, дабы не искушал Бога, а немедля поднялся с постели». Сверх того, святой предсказал и самому отцу Андресу много чего. Всё так и сбывалось одно за другим, свидетельствуя о пророческом духе слуги Божия.

[80] Сын Марии де Ортеги собирался принять святой иноческий образ в августинском ордене; уже готовились увенчать его монашеской тонзурой и облечь в хабит. Услыхав сие, мать помчалась в монастырь святого Франциска и стала жаловаться отцу Солано, что сын, которого она давно посвятила Ордену Братьев Меньших, ныне облачается в августинскую рясу. На сие блаженный отец ответил: «Молодец станет монахом, однако не в ордене святого Августина». Женщина, получив такой ответ, вернулась домой и обнаружила, что юноша изменил своё прежнее намерение. Впоследствии он вступил во францисканский орден и был назван братом Лукою Санчесом.

[81] Однажды, когда Франциск вышел проповедовать на улицы города Лимы, вместе с многочисленной толпой народа подошла некая рабыня-негритянка с шестимесячным младенчиком на руках. К ней обратившись, человек Божий сказал малышу: «Ангелочек, лучше умереть, прежде чем согресишь». Хотя смысл слов этих и был неоднозначен, чернокожая родительница, услышав их, вернулась домой в слезах. На вопрос хозяйки о причине плача, она ответила, что скорбит о несомненной смерти сыночка, каковую предсказал святой муж Солано. И в самом деле, стало ведомо, что когда Франциск начал болеть, заболел и младенец, а спустя три дня после кончины святого ушёл из жизни.

[82] Человек Божий, проходя по монастырскому двору в Лиме, встретил развращённого человека, заражённого множеством скверных пороков. Стал увещевать его обратиться от пагубного пути на стезю спасения чрез покаяние, ибо дни его кратки (*ср. Пс. 108:8*) и приближается их конец – погибель (*ср. Флп. 3:19*). Испуганный сим увещеванием, грешник искренне покался и, как вспоминают друзья, коим он поведал о сказанных ему словах, скончался в том же году от четвертодневной лихорадки.

[83] Как-то раз тяжело заболела жена Грегорио Лопеса, родители же больной, нехорошо относившиеся к её мужу, грозили, что если она умрёт, заберут всё приданое, каковое она ему принесла. Франциск, проведая о несчастье сего бедолаги, увещевал его не изводить себя напрасно скорбью, ибо жена ему вскоре родит дочку, что избавит его от опасности [потерять приданое]; супруге же (по Божию изволению) предстоит умереть. Последовавшие за сим события подтвердили истинность его утверждения.

ГЛАВА VIII. О ТОМ, КАК СВЯТОЙ ФРАНЦИСК УЗНАВАЛ ЧУЖИЕ ПОМЫШЛЕНИЯ И ИНЫЕ ТАЙНЫ, А ТАКЖЕ ОБ ИСЦЕЛЕНИИ ИМ НЕКОТОРЫХ БОЛЬНЫХ

[84] Госпожа Хуана де Сильва, мать отца Бонавентуры Салинаса-и-Кордовы, уже давно страдавшая от тяжких болезней, была прикована к постели, а человек Божий время от времени её посещал. И вот однажды вечером навестил её достопочтенный отец Хуан Себастьяно, провинциал Общества Иисусова. Сказав ей несколько слов утешения и спасительного наставления, он вместе со слугою Божиим Франциском удалился в угол комнаты. Беседовали они себе тихо-мирно друг с другом, а больная спокойно отдыхала, как вдруг муж святой, восплав духом, поспешил к постели и потребовал от лежащей, дабы она открыла наущение дьявола (каковое тогда её мучило).

[85] На сие она ответила, что сатана только что пытался внедрить ей в сердце дурную мысль: будто она уже сейчас настрадалась на своём одре более, нежели Христос претерпел на кресте, и будто её боли и острее, и длительнее страстей Спасителя. Учитывая же ещё то, что Божество укрепило на кресте немощь человеческой природы, а спустя три часа положило конец тем многострашным терзаниям, то её бедствия даже и не сравнить с теми. Окружающие изумились козням адского супостата, но ещё более поразил их дух человека Божия,

проникающий в невидимое. Ведь он не мог узнать [о помыслах] больной ни из слов, ни по жестам, ни по движениям её, а постиг то чрез откровение.

[86] Наконец она достигла предельной черты своей жизни. Святой навещил её, дабы поддержать советами и молитвами, и она, доселе вынуждаемая сильными болями лежать навзничь, внезапно, озарившись радостью, присела на постели. Человек Божий подошёл к ней и, просветлённый свыше, познал, что случилось нечто необычайное. В то время как другие дивились происшедшему, он нежнейшими словами увещевал её, дабы ради славы Божией и пользы присутствующих она рассказала о видении, явленном ей, и тех новостях, что доставил ей небесный вестник. Женщина же, повиновавшись ему, молвила, что удостоилась благосклонного взгляда своего ангела-хранителя и из беседы с ним узнала, что грехи её прощены, а она в скором времени разрешится от плоти и будет им же перенесена в царство блаженства. Сказав сие, она в течение краткого временитихо скончалась.

Из описанного явственно следует, что человек Божий либо сам узрел пришедшего ангела благодаря святой чистоте своего зора, либо духовное пророческое чувство сообщило ему то, что плотское зрение при всей своей остроте не могло воспринять.

[87] Брат Бернардо Ариас, монах-мирянин из ордена Братьев Меньших, проходя год испытания, мучился тяжкими искушениями относительно монашеского призвания. И когда однажды он прислуживал человеку Божию при мессе, то ощутил сильнейшее побуждение, внушённое бесом, оставить иноческий образ и вернуться в мир. Святой иерей, прозрев сие вражие наущение Божественным светом, при омовении рук подступил поближе к министранту и тихонько (дабы окружающие не расслышали) молвил: «Не снимай облачения, брате, и не повинуйся голосу диавольскому; остерегайся, как бы он не обманул тебя». Искушаемый послушник изумился, услышав сие, и с того времени почитал отца, прежде ему не знакомого, как пророка. Повинуясь его наставлению, он выдержал и остался в святом призвании.

[88] Некто пришёл в лимский монастырь навещать своего знакомого инока. Того позвали, и, пока гость ожидал в клуатре, встретил его там человек Божий и спросил, ищет ли он друга. Тот, полагая, что вопрос относится к его приятелю-иноку, ответил утвердительно. Но благочестивый отец, заявив, что речь не о временном друге, но об истинном и вечном Возлюбленном душ, Христе (Коего сей тяжко оскорбил), стал рачительно увещевать того человека воздерживаться от грехов, а когда в ближайшее время представится случай согрешить с некоей женщиной, избежать оно. Он велел совершенно оставить ту блудницу и не выходить нынешней ночью в город, ибо ему уготован смертельный силог. Растроганный и изумлённый сими словами, грешник согласился немедленно пойти на исповедь. И хотя без должного приготовления она могла оказаться слишком беспорядочной, Франциск настоял на своём и взялся помочь грешнику настроиться.

[89] Итак, когда тот, войдя в келлию слуги Божия, начал исповедовать что было на совести, святой столь точно напоминал ему все прегрешения, словно всё сие свершалось прямо у него на глазах. Наконец, когда кающийся подумал, что уже

ничего более не утаил, проникательный духовник добавил, что есть у него на сердце ещё одна непрощённая вина. Когда же тот принялся перечить, Францискещё добавил: «Неужели ты не помнишь такую-то девушку, которую ты толкаешь к опасности вечной гибели?» Итак, завершив исповедь, мирянин тот впредь воздерживался от общения с той скверной женщиной.

Помня же всё пророчество полностью, в ту ночь он не осмелился выйти из дома. И правильно сделал, ибо впоследствии другой, который с величайшей страстностью домогался той же блудницы, чистосердечно сказал ему, что если бы он пришел в ту ночь в дом той женщины, то несомненно угодил бы в засаду, которую тот приготовил для него, и погиб бы, пронзённый кинжалом. Все сие упомянутый человек, из грешника ставший праведником, а посему и собственным обвинителем, засвидетельствовал под присягою во славу Божию и к чести святого отца.

[90] Грегорио Лопес лелеял в сердце тайную ненависть к некоему человеку. Когда он попросил человека Божия принять его исповеди, Франциск ему на то ответил: «Хорошо, но прежде пойдй примириись с ближним твоим (*ср. Мф. 5:24*), коему ты нанёс ряд обид». Изумленный Грегорио повиновался и, получив прощение от того, кого он оскорблял, был допущен к спасительному покаянию, что доставило душе его величайшее утешение.

Когда же и некая женщина, Мария де Валера, однажды попросила молитв услуги Божия, святой муж ответил ей: «Изгони из сердца ненависть и погаси вражду, кою ты оскорбляешь Бога! Тогда можешь быть уверена, что Божественное милосердие одарит тебя многими благами». Тронутая сими словами, женщина обратила тайную неприязнь (которую питала к родному брату из-за отцовского наследства), в мирную любовь. Ну и впоследствии Бог в согласии с предсказанием одарил её многими милостями.

[91] Досточтимый отец имел обычай столь часто и недвусмысленно обличать подноготные тайны некоего важного господина, что тот не раз избегал бесед с ним и встреч, дабы святой не открыл ему скрытые язвы совести. Среди прочего же был такой случай.

Однажды, уступив могучему искушению, он шёл на свидание с нечистой женщиной и натолкнулся по пути на Франциска. Тот, в резких выражениях изобличив гнусность, которую тот собирался учинить, открыл всё, что муж сей надумал, назвал имя блудницы, предупредил об опасной её болезни и (что было лучше всего), оттянув человека от пропасти греха, внушил ему сокрушение и ужас перед проступком.

[92] Мария-Магдалена де Салинас таила намерение вступить в клариссинский орден, каковое она доверительно поведала лишь двоим, но, придя в обитель св. Франциска на исповедь, была изумлена тем, что человек Божий Франциск проник в её замысел. Ибо едва он устроился в исповедальне, как тотчас же с весёлым выражением лица упредил слова Марии, молвив: «Как вовремя ты пришла, невеста Христова! Ангелы возрадовались о намерении твоём! Будь терпелива и упорна, ибо у родителей твоих возникнет много возражений против пострига твоего, но все они иссякнут, и ты

благополучно добьёшься окончательного успеха». Девушка изумилась тому, что тайны сердца её оказались раскрыты, а впоследствии, вступив в монастырь и увидев бури, кои предсказал человек Божий, и счастливый исход их, окончательно убедилась, что он был наделён пророческим ведением.

[93] Когда светский брат Ильдефонсо ухаживал за человеком Божиим во время его последней болезни, взглянул однажды на его иссохшее и худощавое лицо и, вспомнив его выдающуюся святость, задумался: «Поистине, вот наисовершеннейший образ св. о. нашего Франциска!» Тогда муж смиренный и прозорливый, проведая изнутри духом о том, что было на уме у брата, молвил: «Проси Бога, брате, дабы Он совершенно избавил тебя от сего помысла!»

[94] Педро де Андасаласар, пересекая клуатр обители в Лиме, столкнулся с каким-то незнакомым иноком, который молвил: «Знайте, сударь, что Бог явил вам Свою милость, столько времени ожидая вашего покаяния. Вспомните прегрешения, что вы совершили во Франции, Кастилии, Португалии и других местах». Педро изумился сим словам и точному указанию стран, где он бывал, однако кто говорит сие, ему было неведомо, доколе не прошел слух о кончине некоего святого мужа. Он отправился поглядеть на покойного, а увидев, воскликнул: «Да ведь это же тот, кто открыл мне, что у меня на совести!» И, спросив имя, узнал, что зовут его отец Солано.

[95] Тем же разумением духовным он прозрел, что Хуан Денъя Боланьо собирается на дуэль, и помирил его с противником.

Так же и Хуана Лусеро де Сааведру, случайно зашедшего в церковь лимской обители, человек Божий при внезапной встрече настоятельными и ревностными уговорами склонил отринуть жажду мести и заключить мир с неким рыцарем, на поединок с кем он направлялся.

[96] Разъярённый неким оскорблением, Франсиско Ильдефонсо де Каравахаль задумал лишить другого человека жизни. Когда же он искал удобного случая, ему случайно пришлось зайти в обитель св. Франциска. Тут ему как раз встретился наш Франциск, совершенно ему не знакомый ни лично, ни понаслышке, который благостно заговорил о милостыне. И когда тот спросил, что именно, мол, надо, слуга Божий ответил: «Напрочь отвергни задуманное злодейство! Вот тогда и богоугодное дело свершишь, и себе самому окажешь щедрое благодеяние. А ещё: вооружись-ка щитом терпения, коего тебе особенно недостаёт». Услышав столь явственно, что тайна его раскрыта, Франсиско вверил себя молитвам отца, а удаляясь в смущении, размышлял, что сей муж, хотя и незнакомый ему, свят и мил Богу, ибо чувствовал, что иннок словом своим вскрыл ему затворённое сердце, кратким упрёком исправил его и изменил к лучшему.

Наконец, надо отметить, что взор человека Божия так глубоко проник в подноготные тайны, что многие, боясь разоблачения, либо по возможности избегали встречи с ним, либо сами в начале беседы открывали свои тайные помышления. Ну а

сколь мудро он использовал сию милость щедродательного Божества на благо ближних, уже показано в приведённых примерах.

[97] Души лиманцев святой муж врачевал словом проповеди и светом пророчества, тела же их силою молитвы и предстательства исхищал из пасти смерти и избавлял от опасностей. Так, доктор Хуан Веласкес, архидиакон Лимской епархии, измученный тяжкой болезнью, велел позвать к себе человека Божия Франциска. Когда тот, возложив руки на его голову, прочитал отрывок из Евангелия, больной тотчас почувствовал, что боль утихает и уменьшается, и проникся твёрдой надеждой на полное выздоровление, какового и достиг без всякого иного лекарства.

[98] Госпожа Майор де Аларкон страдала ангиной; терпя боли, она в смертельной опасности попросила гвардиана о. Диего де Пинеду, дабы он прислал ей какой-нибудь верёвочный пояс святого отца Солано (а он был ещё среди живых). Получив таковой, она в четвёртом часу вечера (*примерно ок. 22 ч. – прим. пер.*) опоясалась им. Ну а на следующий же день нарыв, содержащий заразу, лопнул, испустив прямо через рот болящей мерзкий дурнопахнущий гной – к изумлению врача, который приписал сие внезапное исцеление чуду.

[99] Книгопродавец Мигель де Белилья, измученный смертоносною лихорадкой, достиг, казалось, последнего предела жизни. Когда он по совету врачей, отчаявшихся в его выздоровлении, принял последние таинства, призвали иноков, дабы помочь ему при предсмертном борении. К нему был послан о. Франциск Солано, и вот он вместе с другим отцом из Общества Иисусова читал, как принято, молитвы за отходящую душу.

Между тем, явился врач по имени Раймундо и в седьмом часу пополудни с величайшей уверенностью заявил, что, согласно врачебной науке, больной умрет в течение четырех часов (то есть ближе к полуночи). Но вот слуга Божий Франциск, подойдя к больному и прочитав над ним Евангелие, обратился к сотоварищу и молвил: «Возвратимся-ка в обитель, ведь там мы совершим больше, нежели здесь». Итак, ожидали кончины умирающего.

И вот, в час, когда, по предсказанию врача, душа должна была изойти, внезапно больной, ко всеобщему изумлению, исцелен от всякого недуга, оказался здоров; а через два-три дня, выйдя из дому, вернулся в свою лавку. Когда упомянутый врач увидел его там, изумился и, думая, что видит призрак, перекрестился. Ну а книгопродавец же никоим образом не усомнился приписать внезапное выздоровление предстательству и молитвам святого отца Солано.

[100] Диего де Асторга в течение трех дней обильно блевал кровью, наполнив ею три немалых кувшина. Когда же его духовник Франциск, человека Божий, подал ему чашку чистой и светлой воды, он, испив её, тотчас почувствовал, что кровотечение остановилось и болезнь совершенно отступила.

Рассказывают и о множестве иных исцелений от досточтимого слуги Божия, коими он привязал к себе весь тот город узами вечной признательности.

ГЛАВА IX. ЖИВАЯ ЕГО ВЕРА, ТВЕРДАЯ НАДЕЖДА И ПЛАМЕННАЯ ЛЮБОВЬ К БОГУ

[101] Подобно ручью от источника, свету от солнца, следствию от причины, внешние действия человека проистекают от внутреннего начала. И подобно плодам дерева, каковы внутренние чувствования, таковы же и внешние дела, от них происходящие. Потому-то и Учитель совершенства Христос учит познавать людей по плодам их (Мф. 7:16; Лк. 6:44). Итак, поскольку из предшествующих примеров явно видно, сколь удивительны плоды внешних деяний Франциска нашего Солано, то уместно будет перечислить добродетели, кои соделали его достойным похвалы пред Богом и у людей.

[102] Вера, без коей никто не может угодить Богу (ср. Евр. 11:6); на каковой твердыне, словно на основании, зиждется всё здание духовное (ср. Мф. 7:24), держалась в человеке Божиим Франциске столь прочно, что он выказывал незыблемое и несомненное согласие со всеми католическими истинами. Однако вера его была отнюдь не умозрительная и праздная, вялая и словно бы мёртвая, но живая, деятельная и плодоносная, с каковою на деле осуществляют то, во что веруют. Отсюда же и его жажда сеять Евангелие и распространять веру, побудившая его просить у начальствующих отправки в варварские страны Африки. А поскольку он не смог достигнуть желанного в Старом Свете, Бог распорядился иначе, и он переправился в Перуанский край, где странствовал по пустынным и диким областям в голоде, жажде, на стуже и в наготе (ср. 2 Кор. 11:27). И пальмы мученичества он алкал достичь ещё рьяней, чем скупец желает богатства, а развратник – наслаждения.

[103] Насколько твёрдо он веровал в тайны Пресвятой Троицы, Воплощения, Евхаристии и другие высшие истины нашей веры, о том ясно свидетельствуют те многие волнения, воздыхания, восторги и обмороки, что случались с ним при простом их чтении или слушании. Была сверх того в человеке Божиим та благодатная вера, в дар ему ниспосланная, что, исходя от щедрой десницы Божией, защищает человека в невзгодах и опасностях, а при нуждах ближнего делает чудотворцем. Оттого-то при стольких трудностях, странствиях, кораблекрушениях он всегда оказывался спокоен и невозмутим, а других увещевал не отчаиваться в несчастьях, напоминая, что помощь Божия пребывает с находящимися в опасности.

[104] Надежда же, богословская добродетель, устроила себе в слуге Божиим излюбленное обиталище. Ибо её силою он приклонил сердце своё к исполнению оправданий Божиих навек (ср. Вульг. Пс. 118:112). Её силою он, разорвав связь со всякой земной привязанностью, целиком устремлялся к небесному счастью, каковое Бог по безмерной благодати Своей обещал даровать [верным]. Ибо он желал разрешиться и достигнуть той отчизны (ср. Флп. 1:23), где предмет нашей надежды (ср. Евр. 11:1) даёт ясно Себя лицезреть и вечно наслаждаться Своим общением. Из той надежды, словно из источника, рождались презрение к вещам мирским, любовь к небесным, пламенное желание рая и столь рьяное стремление к небесной славе, что от одного лишь имени её он весь растворялся в ликовании и восторге.

[105] Любовь, первооснова добродетелей, так подчинила человека Божия Франциска власти своей, что он, точно раскалённое железо, был полностью проникнут её огнем. Ибо из сей печи он извлекал те частые и глубокие вздохи, кои показывали, что он полностью растворён в любви к высшему благу. Он постоянно размышлял о тех обителях, что уготованы Богом для блаженных, и, весь пылая желанием их достигнуть, скорбел о продлении своего земного пребывания. Отсюда же происходила столь великая любовь к небесному, что когда однажды он спросил некоего больного о состоянии его здоровья и тот ответил: «Слава Богу, мне лучше», то едва услышал Франциск сие упоминание о Божией славе, как, уязвленный невидимой стрелою любви, он схватил две попавшиеся ему там под руку палки и, ударяя одну о другую, завёл нежную песнь о Христе и Его любви. И так, весь вне себя от восторга и устремлённый к Богу, он поспешно покинул жилище, дабы без помех дать выход внутреннему восхищению.

[106] Однажды, когда он хворал, навестил его некий инок и говорил с ним о славе небесной и счастье в раю. От слов его в человеке Божиим столь мощно вспыхнуло пламя любви и до того усилилось желание вкушать блаженства, что он, возликовав всем своим существом, испытал удивительное восхищение духа. Простертые ввысь руки; отворённые уста; взор, устремлённый в небеса; уши, совершенно глухие к словам инокa – всё свидетельствовало о том, что Франциск погрузился в пучину небесной радости.

[107] В праздник Пресвятой Троицы, за несколько дней до того, как отдать долг смерти, он причастился в молельне лазарета Св. Таин и присутствовал при страшной Жертве (*т.е. на литургии. – прим. пер.*). Услышав же сии слова чина мессы: «Benedicamus Patrem et Filium cum sancto Spiritu (Благословим Отца и Сына со Святым Духом)!», он, хоть был ослаблен и измождён болезнью, однако вышел в клуатр и, двигаясь поспешным шагом, чуть ли не вспархивая, восклицал: «Благословим Отца, и Сына, и Духа Святого!» И повторяя сие, он не без великого изумления слышавших обошёл весь монастырь.

А в другой раз, выйдя из келлии, он с волнением произнёс сии слова: «Сохранимте веру Христову и закон Его!» – и, простерши руки крестообразно, а залитые слезами очи возведя горе, громогласно повторил: «Отцы, сохранимте закон Божий и устав, нами принятый в постриге; да соделает Бог, чтобы я никогда не нарушил Его святых предписаний!».

[108] Всякий же раз, как в присутствии человека Божия заходила речь о Боге или о Его любви, он искренне радовался без удержу. А дабы ещё паче раздуть в себе огонь священной любви, он, удалившись от других, спешил одиноко в какой-нибудь уголок пред крестом или святым образом, словно жертва, назначенная ко сожжению небесным пламенем.

Воспламенённый тем же огнем любви, он часто выходил на люди, а встречающиеся толпы призывал любить Бога, восклицая: «О, как прекрасен Бог, как достолюбезен, сколь великой любви достоин!» А если он вдруг знакомился с каким-нибудь иноком, особо отмеченным даром любви к Богу и ревностного о славе Божией, то, послушав

его, молвил так: «Давай-ка посмотрим, кто из нас двоих горячее любит Жениха душ наших Христа, а чтобы выяснить это, посостязаемся на предстоящей неделе, кто больше послужит Ему и рьяней потщится о славе Его Пресвятой Матери».

[109] Даже из самых чувственных вещей, что будили в нём любовь к Богу, он извлекал настоятельные и действенные уроки, высматривая в сотворённых произведениях Самого Творца (*ср. Рим. 1:20*) и движения души своей соизмеряя с действиями неодушевлённых творений. Например, когда однажды он увидел раскалённый и кипящий котёл, то спросил у стоявшего рядом монаха о причине кипения. Когда же тот, как и подобает, отнёс причину сего к материальному огню, святой муж, возведя очи горе, воскликнул: «Увы, что же мешает и нам гореть огнём любви, а душе нашей кипеть, словно раскалённый горшок?» И сказав сие, он ощутил желанный порыв [любви] и замер в долгом экстазе.

Ну а следствием сей огромной любви были те тяготы, что он претерпел ради Бога; опасности, коим подвергался; мученичества, коих жаждал; да и всё, что он проповедовал, что делал, что перенёс. Они же суть и самые наивернейшие признаки его непрестанной молитвы, глубочайшего созерцания и, наконец, прочих добродетелей, коими украшена была его душа, что и покажут последующие главы.

ГЛАВА X. КАК ОН ЧТИЛ СВЯЩЕННЫЕ ТАЙНЫ ХРИСТОВЫ, СВЯТУЮ ЕВХАРИСТИЮ, БОГОРОДИЦУ ДЕВУ И СВ. БОНАВЕНТУРУ

[110] Помимо чрезвычайного благоговения к тайне Пресвятой Троицы, кое он засвидетельствовал хвалами, молитвословиями и гимнами, было человеку Божию Франциску присуще и некое пламенное, нежное расположение к святому Рождеству Христову. Ту преблаженную ночь, когда Слово, облекшись плотью (*ср. Ин. 1:14*), понесло на себе человеческие несчастья, он праздновал с особым радением и благоговением: мысленно погружаясь в сие неизреченное снисхождение Предвечного Сына, он целиком растворялся в ликовании и воспевал подобающие столь великому торжеству песни, подыгрывая себе на гитаре (*exiguae lyrae*).

Однажды, когда он сеял семя Евангелия в провинции Тукуманской, всю оную святейшую ночь он провёл в молитве, слезах и славословии Божиим.

В другой раз, когда вновь наступила та же ночь, он, не в силах сдержать радости, опьяненный любовью и уязвленный ею, бегал туда-сюда по лимской обители Реколлекции и, распевая псалмы и гимны под звон колокольчика, всю братию поверг в благоговейное изумление.

[111] Святое же младенчество Христово он вспоминал со столь трепетным и нежным чувством, что был не в силах ни помыслить о нём, ни заговорить вслух, ни созерцать его изображение без сердечного трепета и телесной дрожи. Представляя умственному своему зору Спасителя-Младенца, он воздавал Ему простое и чистосердечное поклонение пастушков, равно как и торжественное почтение волхвов. Поскольку ему казалось недостаточно самому в одиночестве прославлять и благословлять Его, он приглашал ещё и собрата, дабы по очереди с ним творить то же служение, исполненное веселия, пения и любви.

[112] О том, сколь глубоко человек Божий возлюбил драгоценнейшие Страсти Христовы и Крест, свидетельствуют многие его поступки. Ибо он постоянно размышлял о том, превозносил в проповедях и увещевал народ подражать Страстям и крест свой нести. Распятие, словно неотделимый панцирь защитный, он всегда носил с собой, куда бы ни направлялся. Одним словом, мёртвость и муки Иисуса Христа он непрестанно носил в теле своем (*ср. Гал. 6:1*) и неутомимо радел о том, дабы запечатлеть их в сердцах других людей. И когда Франциск однажды на мессе читал историю Страстей, инок-министрант видел, как он заливается горькими слезами.

[113] Преискренний пламень сердечный возжигало в нём Воспоминание Страстей (*ср. Лк. 22:19*), сиречь Превозвышенное Таинство Евхаристии. В нём он укоренил твердыню своей силы, в его созерцании заключалась вся сладость его подвижничества и утешение в нынешней жизни. Став иереем, он готовился к совершению сей превеликой Жертвы бдениями, постами, самобичеванием и молитвословием. Служа мессу, он с нежнейшим умилением сердечным созерцал тайны, сокрытые в её обрядах и чине. И столь очевидным было глубокое благоговение литургисающего, что сие многих привлекало мессу послушать, а многих побуждало соперничать за право прислуживать ему при алтаре. Даже Его Превосходительство вице-король Перуанского королевства Луис де Веласко, маркиз Салинас, что нередко захаживал в обитель Реколлекции, обретал великую сладость, присутствуя при частной мессе сего святого иерея, коему он благоговейно прислуживал.

[114] Часто, подступая к алтарю и облачаясь в те мистические одеяния, в коих смертный и убогий человек являет образ Воплощенного Слова – одновременно Иерея и Жертвы, – он, задумавшись о сем неизреченном снисхождении [Господа], изнемогал [от любви к Нему] (*ср. Песн. 2:5*) и не мог удержаться от восхвалений Христа и Пресвятой Девы (принесшей миру сию спасительную Пищу).

Однажды приметили, как во время свершения Жертвы он был восхищаем в экстазе и поднимался в воздух. В другой раз, когда он подходил к алтарю, посвященному святому Антонию, дабы совершить мессу, воссиял пред ним некий свет небесный, не уступавший в яркости солнечному, словно бы направляя святого, так что он мог бы сказать вместе с Псалмопевцем: «Слово Твоё – светильник ноге моей и свет стезе моей» (*Пс. 118:105*).

[115] По завершении же страшного Таинства жертвенного, он, совлеки священные облачения и воздав благодарение, обычно тотчас же удалялся в келлию. Затворив дверь, он, в радости о присутствии Царя Небесного, приносил Ему дары хвалы и почитания, достойные столь великого Гостя. Там он наслаждался общением с Возлюбленным и в нежнейшей беседе с Ним уже заранее вкушал райское блаженство.

Однажды, когда он так уединился в келлии и вёл усладительные разговоры со Христом, в дверцу постучал некий брат. Однако будучи духом своим отрешён от чувств, человек Божий не услышал даже повторного стука. Тогда инок, желая

испытать силу его послушания, громким голосом сообщил, что Франциска зовёт настоятель. При сем внезапном звуке святой, пробудившись от духовного сна, открыл дверь и предстал пред братом, позвавшим его: лицо его при этом пылало горячим румянцем, а щёки и даже капюшон были мокры от обильного потока слёз. Узнав о повелении настоятеля, он тотчас же в подражание Тому, Кто стал послушен даже до смерти (*ср. Флп. 2:8*), с радостным ликом направился к келлии начальствующего, дабы исполнить послушание.

[116] В другой раз после животворящей Жертвы он снова так молился один в келлии; и тут некий брат стал стучаться в дверь и делал так несколько раз, пока не пробудил святого. Вышед к стучащему, человек Божий благостным голосом молвил: «Да простит тебе Бог». При этом от лица его явственно исходило столь яркое сияние, что оно затмило зрение того брата и другого, кто присутствовал там, наполнив сердца их таким благоговейным изумлением, что [настойчивый инок] счел себя виновным в тяжком проступке, ибо, столь несвоевременно постучав, отвлек святого от неизреченного богообщения.

Ну а скольких благодатных даров, откровений и милостей удостоился друг Христов Франциск в часы тех уединённых свиданий с Божественной любовью, того он никому (будучи подлинно смирен) не открыл.

[117] Сия нежная привязанность слуги Божия к досточтимому Таинству Евхаристии была словно бы законное дитя подлинной и искренней веры, ибо под видом хлеба и вина отец Солано почитал самого Христа сокрытого, притом присутствие Его представлялось святому столь явным, что, будучи достойно любви и преклонения, вызывало благоговейный трепет, будто он лицезрел Его царствующим посреди сонма ангелов и восседающего на небесах одесную Отца. Поэтому, находясь в Его Божественном присутствии, Франциск бывал исполнен непостижимой радости и изумления и, весь поглощенный глубоким созерцанием превышей и всевеликой тайны, извлекал из сладкозвучной гитары своей нежные мелодии.

В пору, когда наш святой исполнял должность кустода в провинции Тукуманской, на очередном празднике Тела Христова ему довелось участвовать в обычном для сего торжества всенародном шествии верных. Тут он оком веры узрел Царя славы, присутствующего [в Св. Тайнах], и внезапно громким голосом завёл сладкую песню с такой могучей любовью, что посреди толпы индейцев казался подобен Давиду, певшему и скакавшему пред ковчегом (*ср. 2 Цар. 6:14*). Взволнованные сим зрелищем, все как один прослезились от умиления, а набожность их обогатилась страхом Божиим.

[118] Обо всех тайнах христианского вероучения он говорил глубокомысленно и почтительно, но особенно – о Святейшей Евхаристии, ибо о ней он изрекал невероятно возвышенные, содержательные и глубокие мысли, тем самым обнаруживая, что в нём таились сокровища Божественной благодати и небесные тайны были вверены ему. Сие-то благоговение пред животворящим Таинством порождало в его преданном и верном сердце истинное и смиренное уважение и

любовь к священнослужителям и иереям, а наипаче –к высочайшему и величайшему иерею и предстоятелю, наместнику Христову и преемнику Петрову.

Сверх того, он горевал, что со столь великим таинством недостойно обходятся, и тяжело скорбел о неблагоговейном поведении христиан, присутствующих при страшном Жертвоприношении мессы, а также о мирских разговорах перед алтарями и в церкви, отчего храмы верных зачастую бесчестятся хуже капищ языческих.

[119] Люди святые и богоизбранные отмечены особой склонностью к почитанию Марии, каковому Солано, муж святой и воистину богоизбранный, предавался со всем пылом духовным; служить Ей он стремился с глубочайшим сердечным почтением. Избрав Богородицу своею особой Заступницей и Владычицей, он горячо превозносил красу и славу Её, не только сам почитая Божию Матерь, но и других усердно призывая к тому. Часто размышляя о том, сколь беспримерными дарами наделил Её Бог, и созерцая почти бесконечные степени величия и совершенства, коими Она превосходит прочие творения, он молвил: «Радуюсь о Тебе, о Святейшая Дева Матерь, и ликую, что длань Божия соделала Тебя столь прекрасной, столь святою и чистой!» Также иными похвальными речами, исполненными пламенного красноречия, он воздавал честь преискренне любимой своей Покровительнице и в благоговейном пении, доходящем до экстаза и восхищения, восхвалял заслуги Её. Сие особенное сердечное расположение он с нежных лет до самой смерти неустанно приумножал и поддерживал, чему имеются некоторые достойные рассказа примеры.

[120] Когда он пребывал в обители города Трухильо, встретил однажды в церкви, куда хаживал молиться, отца Херонимо Ильдефонсо де ла Торре, коему сказал: «Я иду музычку поиграть пред прекраснейшей Девой – Она ждёт меня». Отец же Херонимо постарался тайком разведать, что именно собирается делать человек Божий (имевший обыкновение прятаться по уголкам), и часто видел, как тот стоял перед алтарём со священным образом Девы Марии и ударял по струнам гитары своей, звуки коей наполняли его такой утехой и веселием, что он пускался в дивный размашистый пляс. После чего, по наблюдениям о. Херонимо, святой преклонял колена и, стихнув, долго молился.

[121] Однажды о. Хуан Анес Солано, генеральный прокуратор Ордена проповедников провинции Перу, навещая человека Божия Франциска в лимской обители Реколлекции, пытался убедить его выйти в город на краткое время, дабы хоть немного дать перевести дух от непрестанных трудов и подвигов, однако тотчас же услышал в ответ от слуги Божия: «В сем монастыре мои развлечения и утешения, ведь мне часто выпадает возможность поговорить и нежно побеседовать с одною Сеньорой, в чём я обретаю облегчение страданий и совершенную радость сердечную». И тут же, схватив друга-доминиканца за руку, он протащил его в церковь. А когда оба преклонили колена пред главным алтарем, Франциск, отдернув заслонявшую его завесу, показал священный образ Царицы Ангелов, объяснив: «Вот та Сеньора, похитительница души моей, с Нею я разговариваю, к Ней обращаю слова мои и с Нею нежно секретничаю». После чего он залился слезами и обратил к чтимому образу столь сладкие, трогательные и проникновенные речи, что сопровождавший его инок исполнился необычайного изумления и благоговения.

[122] В пору пребывания человека Божия в той же обители Реколлекции был такой случай. В канун Успения, когда иноческая община после трапезы пришла воздать благодарение перед Св. Тайнами, Франциска внезапно объял порыв любви и, ликуя о вознесении Преславной Девы на небеса, он выскочил на середину капеллы перед главным алтарём, возвёл очи к небу и запел псалмы, а затем, преклонив колена, продолжил возглашать святыя песни на хвалу Марии, что несколько удивило наблюдавших сие.

Там как раз оказался о. Хуан де Наваррета, муж, украшенный всяческими добродетелями, но наипаче отличавшийся столь глубоким покаянием, сокрушением и святой печалью, что в течение многих лет его ни разу не видали смеющимся или с улыбкою на лице. Он всегда был столь сосредоточен на размышлениях о Страстях Христовых, что из-за обильных слез сострадания, им проливаемых, его величали новым Иеремией.

[123] Так вот он, полагая, что минориту Реколлекции скорее приличествует плач, нежели радость, не одобрил сего внезапного веселья Франциска нашего и даже слегка его укорил. Но, о чудо! Человек Божий Солано, тотчас встав, в горячем духовном порыве подступил к упомянутому иноку и всего в нескольких мощных словах внушил ему настроение восхвалять Деву и воспевать Её. Длань Божия переменила о. Хуана внутри, и он вмиг исполнился духовной радости. И вот, тот, что прежде предпочитал печаль радости, разразился ликующей песнью и попеременно с Богородицыным слугою Солано воспевал славу Царицы, торжествующей на небесах.

[124] Славить Марию было для человека Божия отдыхом в трудах, утешением в скорбях и укреплении в усталости. Ибо в долгих и тяжких странствиях, предпринятых ради Бога, измождённый дорогою, истощённый трудом, измученный голодом, иссушенный жаждою, опалённый зноем, окоченев от холода, он поминал имя Марии и, с величайшею нежностью славословя Её, забывал о страданиях и небесную вкушал сладость.

То же трогательное благоговение пред Пресвятой Богородицею и неизменное на Нёе упование, что он, постоянно приумножая, хранил всю жизнь, проявил он и в предсмертном борении. Ибо в последние свои мгновения он попросил обступавших его братьев возгласить при нём святую Песнь Богородицы (*Лк. 1:46-55*) и воспеть церковные гимны, посвященные Деве, ибо сладчайшие слова их доставляли ему великое облегчение от боли и недуга.

[125] Среди прочих славных небожителей святой муж особо чтит Бонавентуру, серафического учителя Церкви, коего считал своим могущественным заступником и ходатаем пред Христом. Посему, когда он пребывал в лимской обители, имел обычай тайно удаляться в зал или богословский класс, где пред чтимым образом упомянутого святого Учителя проводил долгие часы в молитвах, бичуя себя до обильного кровотечения. Там в нём народился и окреп апостольский дух, исполнившись коего, он выходил проповедовать на площади города; там он вымолил у великого своего покровителя и стяжал ту серафическую любовь, то мягкое обхождение и благостное долготерпение, кои соделали его всем любезным;

там его не раз видали в некоем дивном небесном сиянии, разливавшемся повсюду вокруг.

Ну а насколько угодны были святому молитвы сии, Учитель выразил в том, что вымолил у Божественной благодати, дабы Франциск преставился из сей жизни в день (*точнее канун. – прим. пер.*) его собственной кончины.

ГЛАВА XI. ПЛАМЕННАЯ ЕГО МОЛИТВА, ГЛУБОКОЕ СОЗЕРЦАНИЕ НЕБЕСНЫХ ТАИН, ЭКСТАЗЫ И ВОСХИЩЕНИЯ

[126] Бог наделил раба Своего Франциска даром молитвы и созерцания с такою щедрою полнотой, что он явно прошёл (насколько позволяет немощь смертного естества) все степени молитвенного созерцания, пожал все плоды его и стяжал особые милости, из неё проистекающие (*praerogativas*).

Поскольку же человек (хотя Божественная благодать и предваряет его) некоторым своим содействием располагает себя к сим возвышенным достижениям, надлежит раскрыть, что совершил Франциск в этом делании, что он привнёс своим соучастием; а затем — что он стяжал по благодостной щедрости Небесного Отца. Душе, желающей прикоснуться к мистической «смерти», каковой является созерцание, и достичь высочайшей вершины единения, надлежит избегать тварного, закрыть окна чувств, внимать в уединении самой себе. Ей надлежит постоянно пребывать в размышлении о близком присутствии Божию, немало уделять часов умственным упражнениям; одним словом, презрев плоть и мир, всецело подчинить себя воле и внушениям Духа Святого.

[127] Это в силах смертного человека – при помощи предваряющей благодати Отца светов (*ср. Иак. 1:17*); и именно этим Франциск Солано, положившись на помощь Божию, прежде всего и занялся. Ибо жизнь его была небесной, и сколь бы ни был он занят человеческими заботами, однако так приучился к внутренней молитве, что, казалось, не прекращал её ни днём, ни ночью. Внутренний мир его души не нарушала никакая забота, никакое беспокойство. И, усвоив учение Серафического Отца, он держал душу в теле, словно отшельника в келье, спокойной и уединенной. От той любви к священной молитве, словно ручей от источника, истекали бегство от мира и жажда уединения. Ибо он выходил на люди лишь по велению послушания либо по внушению любви; и тогда, дабы не прерывать милого своему сердцу созерцания, от вида встречающихся материальных образов он восходил к образу Божественной красоты, а по следам, отпечатавшимся в творениях, добирался бесконечной красоты Творца (*св. Бонавентура, «Путеводитель души к Богу», III*).

[128] Помимо того святой муж имел обыкновение строго блюсти часы молитвословия. Так, когда он пребывал в обители св. Франциска в Лиме, часто примечали, что он задерживается в хоре, упражняясь в священномыслии, с одиннадцатого часа ночи (предшествующего, то есть, полуночи) до четырёх часов утра. Никакая болезнь, никакая занятость, никакие труды никогда не отвлекали его от исполнения урочных молитв. Часто проводил он в сладостном созерцании небесных тайн целые ночи без сна и дни в непрестанном посте. Вот что говорит

дост. о. Альварес де Пас а в Т. 2, Кн. 5, Гл. 13, сообщая о человеке Божиим: «Он любил уединение и предпочитал внутреннюю сосредоточенность всему прочему, если только слава Божия не требовала иного; и, предаваясь там [в уединённых местах] усердным молитвам и священномыслию, он нередко переживал экстазы и восхищения. Привыкший к этим пиршествам, он часто проводил бессонные ночи на ступенях главного алтаря пред Господом, сокрытым в Евхаристии, и, перебирая рукою струны гитары, устами напевая псалмы, а сердцем вкушая небесные улады, оставался там до утра».

[129] Итак, поскольку человек Божий Франциск столь пламенно жаждал духом своим вод, текущих в жизнь вечную (*ср. Ин. 4:14*) (а они даруются жаждущим в молитве), неудивительно, что Бог, Который даёт без упрёков (*ср. Иак. 1:5*), обильно напоил его ими и наделил его достоивным даром совершеннейшей молитвы. Сие явствует из последующего.

Прежде всего, Бог вознаградил непрестанное сосредоточение раба Своего на небесных тайнах частыми экстазами, каковые обычно переживают души, совершенно оторванные от земного. Ибо казалось, что человек Божий, созерцая горнее, оставлял земную обитель и, разрешившись от уз телесной тяжести, воссылал душу к звездам. В такие мгновения он не слышал окликов, не видел встречных, не отвечал на вопросы и был отрешён от образов чувственно воспринимаемых предметов, зато обильно вкушал сладость созерцания и чуть ли не истаявал, преисполненный нежности.

[130] Однажды в Лиме, прислонившись к колонне клуатра, он устремил взор на чтимый образ Серафического отца нашего Франциска, висевший над неким алтарем. Случайно мимо проходил благочестивый и почтенный инок. Поскольку он некогда был гвардианом святого, то ожидал, что человек Божий (как обычно) ему поклонится, а не встретив с его стороны приветствия, подошёл ближе, позвал его, схватил за руку и сжал. Однако тот не ответил на зов и не почувствовал прикосновения.

Ну а в другой раз, когда Франциск общался с Богом в состоянии подобной же отрешённости, однако деятельность чувств в нём не совсем прекратилась, на оклик того же инока он ответил: «Да славится Бог, возлюбим Бога!» И, повторив сие в пылу духа, он вышел из себя в стремительном восхищении.

[131] Есть и иной род восхищений, при котором пламенное устремление к небесным созерцаниям не только преграждает доступ влиянию животных начал на чувства, но и сама душа, захваченная желанием предмета, представшего ей в полноте красоты своей, увлекает за собою тело, с коим она связана. Преодолевая тяжесть плотского бремени, дух, словно огонь, восходя к Богу через воспламенённые движения сил, переносит с собою в воздух и материальную составляющую [человеческого состава]. Именно этим даром прещедрый Бог вознаградил служение раба Своего Франциска Солано, ибо часто, поднявшись в воздух, он в чудесном полёте преодолевал немалые расстояния.

[132] Однажды в канун Торжества прощения в Порциункуле, приняв исповеди от множества кающихся, он преклонил колена на самой нижней из двенадцати ступеней, ведущих к главному алтарю лимского монастыря, дабы помолиться пред Святыми Дарами. Внезапно отец Клаудио Рамирес де Соса, инок того же ордена и гвардиан обители в Кахамарке, увидел его на самой верхушке упомянутого алтаря, отрешённого и восхищенного в экстазе, откуда он потом возвратился по воздуху в том же коленопреклонённом положении на то самое место, откуда прежде взлетел.

Когда святой пребывал в лимской обители Реколлекции, он однажды, подхваченный порывом созерцания, повис в воздухе и переместился от верхнего хора к главному алтарю, преодолев расстояние в сто пье (*т.е. ок. 30 м. – прим. пер.*). Там его нашли погружённым в глубокую молитву.

Также, когда он жил в киновии в Трухильо, в городе распространилась бессомнительная молва, что его несколько раз видали парящим на высоте пол-локтя над землей, когда его поднимал духовный порыв.

[133] Как-то раз человек Божий тяжело захворал и лежал в лазарете лимской обители. Брат Ильдефонсо Муньос, инок образцовой жизни, сотоварищ генерального комиссара, подошёл к комнате святого, намереваясь его проведать, а когда обнаружил, что Франциск молится на коленях пред священным образом Девы, вернулся в келейку к сотоварищу. Едва он вошел в неё, как услышал внезапный шум из келлии святого отца, словно от пушечного выстрела. По приказанию упомянутого комиссара он побежал разузнавать, в чём дело, и увидел, как слуга Божий в экстазе вылетает из келейки на высоте пол-локтя над землёй с руками, простертыми крестообразно, и очами, возведёнными к небу. При этом Дух Святой отводил его туда-сюда от стен и свода клуатра, дабы избежать удара. И брат Ильдефонсо слышал, как святой громким голосом произносил изречения Св. Писания. Полёт святого продолжался до тех пор, пока он случайно не столкнулся с индейцем-терциарием (*здесь подразумевается конверз, «светский брат», т.е. работник монастыря, не имеющий полноценного монашеского статуса. – прим. пер.*), который крепко обнял его и держал. Тогда Франциск пришёл в себя, но затем почувствовал такую слабость, что упомянутым Ильдефонсо и терциарию пришлось на руках отнести его в постель, изнемогшего и обессиленного.

[134] Особенно заметны в нашем Франциске Солано были плоды духовной радости, зачатые в молитве, сиречь блаженные восклицания и гласы ликующей души, что вырываются из человеческого сердца либо от восхищения, либо от умиления, обнаруживая запечатленные в нём Богом чувства. Например, когда святой муж, умудрённый светом богомыслия, созерцал Божественное совершенство либо взирал на убогое своё ничтожество, слышали его возгласы: «Кто Ты, Боже мой, и кто я?! Ты – всё, я – ничто!» Иногда же он молвил: «Иисусе мой, милости!» Иногда слышали, как он, распростерши крестообразно руки пред драгоценным Таинством Евхаристии, восклицал громким голосом: «Увы, Господи, кто тот, кто оскорбляет Тебя; кто оскорбляет Тебя, Боже мой?!» А затем, простершись, он припадал устами к земле и начинал иного рода молитву.

[135] Притом сии преискренние восклицания и гласы неотделимо сопровождались потоками слёз, дар коих святой получил от небесного Подателя в ознаменование смиренной и плодотворной молитвы. Ибо таковую многослёзность, проистекающую либо от сердечного умиления, либо от скорби, Бог обычно дарует Своим рабам, усердствующим в созерцании. Ведь негоже, чтобы при прояснении разума лучами истины воля оставалась холодной и, затвердев хуже камня, не желала раскрыться, истекши слезами скорби и сокрушения. Посему Франциск Солано плакал от любящей нежности, но наипаче его трогало воспоминание о Господних Страстях; так что нередко его глаза опухали от многих слёз.

[136] Поскольку же Бог упражняет созерцателей как ниспосланными скорбями, так и добровольными их умерщвлениями, Он часто щедрой рукой одаряет их сладостью, вкусить коей призывает Псалмопевец (*ср. Вульг. Пс. 33:9*). Сию-то сладость Франциск и вкушал в молитве, когда, изобилуя Божественными утешениями, весь растворялся в ликовании, зачуяв которое, убегал в потайной уголок, дабы оно не открылось человеческим взорам.

Кроме того, она сладость благодати небесной зачастую переполняла душу и изливалась на тело, и оно по окончании беседы с Богом сияло чудесным блеском, ослепляя взоры смотрящих (как мы говорили выше в главах о любви и почитании Святой Евхаристии).

Иногда же, молясь в богословском классе лимской обители, он представал осиянным некими лучами горнего света, и многие видели, что при этом лицо его, от природы смуглое, просветлялось, цветом делаясь белее снега.

[137] Если такого рода восхищения, экстазы, слёзы, восклицания не порождают чувства святого смирения, то вряд ли это признаки Духа Божия. Но если оно присутствует, то служит вернейшим доказательством, что молитва внушена небесами и вдохновлена свыше, поскольку отец гордыни не может ни породить, ни питать смирения. Вот и Франциск наш Солано, коего учило помазание Духа Святого (*ср. 1 Ин. 2:20, 27*), обретал в молитве прежде всего именно этот плод: ибо часто он оканчивал её со столь полным осознанием собственной немощи и со столь низким мнением о себе, что считал себя недостойным ступить по земле, и часто повторял: «Диву даюсь, как земля ещё носит такого страшного грешника!» (каковым он считал себя).

Другое непогрешимое следствие истинного созерцания, что святой муж из него извлекал, несло благо ближнему, ибо из него истекал тот небесный свет, силой коего Франциск проникал в будущие события и сокрытые тайны сердец.

Наконец, великая действенность его молитвы видна и всего жизнеописания его и событий, что последует ниже. Ибо то, чего не мог добиться для себя и других человеческими силами, то стяжал силою молитв своих – на суше и на море.

[138] Итак, поскольку слуга Божий Франциск на собственном опыте убедился в полезности столь святого упражнения и осознал его всемерную необходимость для

идущих путем совершенства, он усердно советовал его своей братии. Посему, когда он порой видел их занятых болтовнёй, то скорбел о потере времени, коего чрезвычайно мало. Поэтому же он боялся начальствовать над другими, дабы не пришлось давать отчет Богу о столь бессмысленной трате.

Когда он был гвардианом обители Реколлекции в Лиме, задумал выкорчевать деревья в саду, дабы иноки, чересчур увлекшись уходом за ними, не пренебрегали заботой о душе, совершаемой молитвой. Затем он неохотно согласился на посадку вязов вдоль городской прогулочной аллеи рядом с упомянутой обителью Реколлекции, предвидя, что шум и гам сходящегося туда отдохнуть народа будет нарушать священную тишину, потребную инокам в молитве.

Наконец, из того молитвенного источника человек Божий черпал спасительные советы при наставлении душ, действенные слова для проповеди, а также благоразумные поучения и рассудительные предписания при начальствовании.

ГЛАВА XII. ВЫСОЧАЙШАЯ ЕГО ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ, НЕМЕДЛЕННОЕ ПОСЛУШАНИЕ, ИНОЧЕСКАЯ БЕДНОСТЬ И АНГЕЛЬСКОЕ ЦЕЛОМУДРИЕ

[139] Плод любви к Богу – любовь к ближнему (*ср. 1 Ин. 4:7*). Человек Божий Франциск тоже горел сим огнём любви, о чём свидетельствуют многочисленные примеры, приведённые в предыдущих главах. Ведь оную пламенную любовь к людям он не раз выказал в Испании, в плавании, в краях Тукуманских; и в самой Лиме (как явствует из последующего) он её не оставил, но день за днём усиленно взращивал.

Всякие беды ближнего его трогали более, нежели собственные; он искал способы быстро выручить бедствующих и всем действительно помогал. Духовные же недуги других, будучи опаснее, пронзали его сердце острой болью – откуда происходила та непрестанная и неутомимая ревность в проповедании, обличениях и увещеваниях, что дивно сияла в нём на протяжении всей жизни.

[140] Нищих он любил с глубочайшей нежностью, обходился с ними смиренно и благостно, щедро давал милостыню (сколько сам мог добыть), наставляя и направляя их благими и спасительными советами, отвращал от зла. Он учил их, что лучше уж умереть или терпеть убийственный голод, нежели совершить грех и оскорбить Бога.

Сверх того, он усердно радел о том, дабы сделать братолюбие общим для всех, искореняя ненависть, устраняя вражду, призывая люд к миру и любви. Страждущих же и угнетённых он увещевал к терпению трудов примером Страстей Христовых.

[141] Поразительна была его забота о больных: он то и дело навещал приюты (*ср. Мф. 25:36*), стелил постели больным, мыл судна, потчевал какими-нибудь сладостями, облегчал скорби молитвословием и увещанием, выслушивать исповеди, объемя всех пылким человеколюбием.

Никогда не прерывал он заботу и о болящих братьях, а поскольку её заповедал Устав, предпочитал её даже молитвенным упражнениям, столь ему дорогим. Поэтому, помимо усерднейшего ухода, коим он окружал недужных братьев, Франциск также утешал их, чем мог, и возглашал Божественные хвалы и гимны Богородице, сопровождая пение сладостным звуком гитары, что трогало их сердца дивным умилением.

[142] Когда о. Хуан де Арпейтия, который был Министром провинции Двенадцати Апостолов, пребывал в Трухильо, однажды ночью его беспокоили назойливые помыслы уныния. Вдруг в десятом часу ночи к нему в келлию вошёл человек Божий и, упреждая, спросил, что его тревожит. Хотя о. Хуан отрицал, что с ним что-либо случилось, святой молвил: «Да по тебе же всё видно! Ну а я зато петь умею!» И сказав сие, вынул гитару, заиграл на ней пред образом Пресвятой Девы и воспел Ей хвалы звучным голосом. Закончив свой маленький концерт, он удалился в безмолвии, а грустившего инок исполнило дивное сердечное веселие, а грусть его сменилась на ликование.

[143] Подобным же образом слуга Божий навестил и Ану Манрике, первую восстановительницу и настоятельницу Третьего Ордена в Перуанском королевстве, когда она страдала от лихорадки. Ибо она говорила про себя: «Что иное лучше помогло бы смягчить печаль сердца моего, как не благочестивейшее пение отца Солано?», но боялась открыть желание ума. Ну а человек Божий, узнав от Духа, глаголавшего внутри него, помышление набожной женщины, тотчас завёл столь нежную песню в честь недавно родившегося Христа-Младенца, что больная, исполнившись сердечного утешения, с того времени пошла на поправку и окончательно выздоровела.

Он получил от Бога особую благодать наставлять больных в предсмертном борении и подготавливать их к смертельному переходу, а потому, когда требовалась эта человеколюбивая помощь, он не просто бежал, но, казалось, летел. При этом, если в другое время он усерднейше предавался безмолвию, то в такие мгновения изливал речения мудрости, словно ливни (*ср. Вульг. Сир. 39:9*). Одним словом, он больным услужал так охотно, что за ним никогда не замечали ни слова нетерпеливого, ни тени угрюмости.

[144] Когда Франциск жил в Трухильо, некая женщина, почитавшая орден, порой видала, как он выходил из обители с рукавами, полными провизии, а на её вопрос, куда он так часто ходит, святой отвечал, что заходит в гости некоей милой ему сеньоре. Сей ответ пробудил в женщине любопытство, и она проследила, как он вышел за пределы города и вступил в дом к некоей старушке, прикованной к постели, страдавшей ужасной проказой, совершенно покинутой близкими и родными из-за гнилостного зловония. Там он в пылу духа человеколюбия, преклонив колена, облобызал ужасные язвы больной. Затем было видно, как он, встав, принялся обрабатывать их: омывал и вытирал. Наконец, увещав старушку к терпению и вручив ей гостинец (что принёс собою), он направился оттуда в странноприимный дом. Там он приводил в порядок постели и помогал больным духовно и телесно, как мы рассказали выше.

[145] Ближе к последним годам жизни он в лазарете лимской обители [Св. Франциска] Иисусова (*San Francisco de Jesús. – прим. пер.*) занимал келлию, отведённую ему из-за постоянных его недугов. Но и там он обыкновенно дважды в день навещал больных братьев и исполнял самые низшие обязанности ревностно и смиренно.

Это человеколюбивое чувство он распространял даже на души в чистилище: нежно сострадая их мучениям, он старался молитвами, умерщвлениями плоти, подаяниями освободить их из оной темницы и как можно скорее направить к небесному свету; притом и других он не раз уговаривал творить сие благочестивое служение.

[146] Наконец, верховный Художник наделил человека Божия столь любезным, столь благостным и ласковым нравом, что он никому не давал уйти без утешения, но всякого наполнял радостью и веселием. И каждый, кому случалось говорить с ним или исповедоваться ему, заявлял, что испытывал после того чудесный духовный подъём и покой в сердце.

Даже животные, что некогда при Серафическом Отце выказывали невинность и доброту, при сыне его столь достойном вновь её проявляли. Потому и неудивительно, что он укрощал свирепых быков или устным велением изгонял истреблял саранчу и москитов, как было показано выше.

[147] Даже птицы, чуя в нём следы первобытной невинности, утраченной Адамом через грех, вели себя с ним по-дружески, как ручные. Так, часто видали и слышали, как он в пору пребывания своего в обители Трухильо, беседовал с птичками и увещевал их воспевать хвалы Творцу. Пернатые же, словно обладая разумом, садились ему на голову, плечи и руки, словно на древесные ветви, и вместе с ним возносили песнопения Бегу, вторя ему присущими себе трелями. Они доверчиво клевали у него с ладони предлагаемое угощение – раскрошенный хлеб; и достойные веры свидетели сообщают, что когда две из них были случайно убиты, человек Божий, тронутый состраданием, возвратил их к жизни.

Муравьёв, докучавших больным в лазарете лимской обители, он изгнал одним лишь велением воли, так что с того времени они не причиняли никакого беспокойства и не портили пищу.

Привлеченные тою же благодатью святого мужа, рыбы, во время упомянутого выше кораблекрушения при плавании из Испании в Индии, добровольно давали себя поймать в пищу людям. Крабов, приползавших из вод к самому его шалашику, он встречал благосклонным приветствием, говоря: «Грядите, творения Божии, дабы стать пищею для братьев ваших старших».

[148] Послушание человека Божия Франциска Солано — это чистейшее зеркало, в коем всякий инок может созерцать образец для своих поступков. Ибо ничто не было ближе сердцу сего минорита, нежели свершать путь своего подвижания по стезям послушания, безопасным и проторенным. Никто не стремился так жадно к званиям и почестям, никто так ретиво не рвался к мирской пышности, как он домогался

подчинённой жизни и низшего положения. Сколько раз он отказывался и отрекался от предложенных, мало того, и порученных ему должностей в ордене, дабы не лишиться возлюбленного своего послушания – о том свидетельствуют примеры, приведённые выше. Все до единого настоятели, под началом которых ему довелось состоять, единогласно заявляют, что он был ревностнейшим блюстителем Устава. Ибо зная, что сия добродетель слепа и её совершенство состоит не только в полном отречении от собственной воли, но и в совершенной слепоте разума, он охотно и без колебаний повиновался всякому указанию начальствующих. И даже будучи одолеваем телесной слабостью или болезнью, мчался исполнять приказания настоятеля.

[149] По приказанию некоего настоятеля он предпринял долгое и трудное странствие, хотя и был крайне немощен и ослаблен телом, да ещё и мучился от начинавшейся лихорадки. Даже сам тот [начальник его], что отдал приказ, усовестился и, опасаясь, что Франциск ослабее в пути, через девять лиг приказал остановиться; предложив к тому же ему выбрать какую-либо [иную] обитель для жительства по своему усмотрению. Святой же, не желая ни в чём не следовать побуждению собственной воли, попросил прелата, дабы тот сам благоразумно определил ему место для жительства.

Итак, зная, сколь высокую ценность придаёт любому поступку инока послушание, он никогда не осмеливался предпринять даже самое малое дело без посредничества оной добродетели, но всякий раз либо дожидался приказания настоятеля, либо испрашивал у него позволения.

Наконец, он старался самыми действенными словами и делами убедить своих братьев, что сия добродетель неотделима от иноческого состояния как природная черта его, что она подобна основанию, без коего рушится всё духовное здание, и без неё не было бы ни ордена, ни общины.

[150] Драгоценную жемчужину семейства Братьев меньших – бедность – человек Божий ревностно чтит и, блюдя её, показал себя законным сыном Серафического отца. Убогая и грубая ряса, жёсткое ложе, скудная пища, почти непрерывные посты, келлия короткая и тесная, жалкая утварь, отказ от отдыха, любовь к труду, ненависть к наслаждениям и удовольствиям — всё сие показало, что истинная бедность, коей учил Христос, коей желал Серафический отец от [сынов]своих, избрала в Франциске Солано особый для себя престол.

Обычно у многих настоятелей увядает цвет сей добродетели, когда они, будучи строги к самим себе, неосмотрительно допускают при этом чрезмерную причудливость в постройках либо принимают неумеренно щедрые пожертвования от мирян. А вот наш Солано при управлении обителью реколлектов Св. Марии Ангелов в Лиме отвергал все излишества и причуды, не позволяя ни мостить полы, ни отделывать резьбою двери и оконные ставни, утверждая, что этими завитушками уродуется краса святой бедности.

[151] Подобным же образом, узнав, что две статуи (imagines) Христа и Девы, предложенные обители Реколлекции неким благочестивым мирянином, оценены в пятьсот монет, сей ревнитель евангельской бедности отказался их принять. И высказал мысль, достойную Франциска, отца нашего: «Они не по карману нищенствующей братии, а Богу будет угоднее и приятнее, если эти деньги пойдут на облегчение тягот какой-нибудь сиротки или многих нуждающихся».

Из любви к той же евангельской бедности он отвергал дары от мирян, страдающих его нужде, — обычно миноритам дозволяемые. За несколько месяцев до кончины он принёс гвардиану несколько убогих и малоценных книг (из коих черпал материалы для проповедей), дабы тот по своему усмотрению передал их в пользование другим. Однако же в конце концов, в последнем предсмертном борении, обнаруживая истинную свою нищету, он смиренно попросил у гвардиана погребальное облачение и получил его в милостыню.

[152] То, что цветок незапятнанного целомудрия в Человеке Божиим Франциске уподоблялся красоте ангельской чистоты, подтверждается достоверным утверждением тех, кто близко общался с ним при жизни, и монахов, принимавших исповеди грешников. Ибо он столь глубоко запечатлел в самой глубине сердца своего попечение о сей добродетели, что все его слова и дела, облик и повадки, подвиг иноческий и внешние труды благоухали сладостным ароматом целомудрия. Не было никого ни скромнее его, ни молчаливее, никто не мог сравниться с ним чистотою взора и помыслов.

Приятельских бесед с женщинами он всячески избегал и никогда не разговаривал с ними, разве только если к этому обязывало послушание или требовала любовь к ближнему; и даже тогда он проявлял такую сдержанность во взгляде и речи, что при этом со всей очевидностью раскрывалась его невинность и сердечная чистота.

[153] Когда святой муж в провинции Тукуманской научал племена христианской вере, наблюдая греховные соблазны и необузданную склонность местных к распущенности, он указал некое место и очертил участок на сто шагов вокруг своей келлии, куда не позволялось проходить ни одной индианке. Также и говорить им Франциск с собою не позволял нигде, кроме как в церкви на исповеди или по иной крайней необходимости. Если же какая женщина нарушала предписанные границы, он требовал от старост миссии (doctrinae praepositis fiscalibus) её наказать.

От внешних нападений на чувства он защищался скромностью и бегством от всякого общения с женщинами, а домашнего врага (*ср. Мф. 10:36*), сиречь буйство плоти дерзость, подавлял суровыми подвигами, ну а непрерывным мучительством тела он располагал себя к стяжанию девственного целомудрия – одного прекраснейшего из даров Верховного щедродателя. Что он действительно достиг её, подтверждают не только многочисленные знаки, явленные ещё при жизни, но и перемена тела: его белизна, податливость и сладкое благоухание [после смерти]. Сверх того, Бог изволил и чудом явить чистоту слуги Своего: когда после смерти блаженного мужа врач прикоснулся к его голени, та отдёрнулась.

ГЛАВА XIII. СУРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ, ВЕЛИЧАЙШЕЕ СМИРЕНИЕ И ДИВНОЕ ТЕРПЕНИЕ

[154] Всякий, кто взглянется в немощь человеческого тела и в слабое сложение тленной плоти, сочтёт почти невероятными покаянные подвиги человека Божия Солано, разве что примет во внимание мощь десницы Божией, явленную в победах над нашей немощью. Ибо слуга Христов Франциск объявил своим членам столь суровую войну, что, казалось, никогда не давал телу облегчения или покоя. Дивен он был в умерщвлении чувств: умирал глаза скромностью, язык — молчанием, уста — воздержанием. Никогда не слыхали от него праздного слова и никогда не открывал он ушей для речей поносных, ропотных или постыдных. Ел он так редко, что часто??? продлевал пост до двух-трёх дней; и столь умеренно, что едва принимал пищи достаточно для поддержания жизни. Оттого, ослабленный непрестанными немощами, он по приказанию врачей и начальствующих был принуждён вкушать мясо. Довольствуясь в большинстве случаев половиною куриной печени и небольшим глотком бульона, он, по утверждению врачей, жил дальше лишь чудом.

[155] Ко столь строгому воздержанию он прибавлял строгое укрощение внешнего человека, ибо под грубой и шершавой одеждой он носил на теле власяницу с жуткими шипами, а ещё каждую ночь бичевался с крайней суровостью, иногда до обильного пролития крови, притом и неоднократно. И хотя врачам всегда казалось, что у него недостаточно крови для оздоровительного кровопускания, он часто исторгал её посредством бичевания, окропляя стены и пол.

Когда в последней болезни Франциск терпел острейшие боли и возбуждал сострадание всей братии, сей непримиримый враг собственной плоти, неизменно суровый и безжалостный к себе, с радостью возводил очи к небу и бодрым голосом говорил: «Вот ведь как мне повезло! Когда у меня не осталось сил бичевать это тело и укрощать этого предателя, сама рука Божия вооружилась на отмщение мне».

[156] Помимо тех суровых и неустанных умерщвлений плоти, коим он добровольно подвергал себя в покаяние, неисчислимы и воистину невероятны тяготы, перенесённые сим апостольским мужем в его многочисленных странствиях во славу Божию и на благо ближнего. Ведомо всем верным чадам Ордена миноритов, сколь тяжким невзгодам подвергаются проповедники, шествующие по евангельскому пути, и какой высокой награды достоин тот, кто без серебра, без суммы (*ср. Мф. 10:9-10*), без человеческой помощи, пеший и нищий, идёт сеять слово Евангелия.

Именно на таких путях подвизался истинный сын святого Франциска, брат Франциск Солано, направляясь из города Лимы в края Тукуманские через земли, палимые лучами солнца, через бездорожные горы, через пустынные и дикие места, через глубокие и стремительные реки. Томимый жаждой, голодом или недугами, а временами и гонениями теснимый, он неуклонно совершал свой путь. И как несомненно то, что обратный переход длиною в целых шестьсот лиг он совершил

пешком, так же не подлежит сомнению и то, что такое же расстояние он одолел и идя туда.

[157] Однажды, ещё когда его послали из лимской обители Реколлекции в местечко под названием Кальяо в двух лигах оттуда, он, дабы краткость пути усугубить телесным страданием, пронзил сандалии острыми гвоздями; кончики коих, обращенные к стопам, в пути, должно полагать, болезненно, до крови ранили их.

Пребывая в лимской обители, он часто становился наземь нагими коленями и, заливаясь слезами, обегал клуатр.

В предсмертном борении, весь пылая от сильного жара, он лишь по совету и с согласия духовника дерзнул принять немного воды, дабы охладить язык.

Наконец, подражая Серафическому отцу в строгости к телу, он, подобно ему, искренне просил прощения у тела, истязаемого столь тяжкими муками и покаянными подвигами, что немощь естества не могла их вынести.

Однако же Бог воистину показал, что принял всесожжение слуги Своего в благоухание приятное (*ср. Еф. 5:2*), ибо когда приблизился его смертный час, святой, возвратясь из глубокого экстаза, вслух сказал в духовном веселии: «Благословенны таковые бичевания, посты и покаянные подвиги, коих ожидает столь великое изобилие славы! (*ср. 2 Кор. 4:17*)» Посему благочестиво можно верить, что человеку Божию была явлена степень вечного блаженства, коей он должен был достичь благодаря умерщвлению плоти.

[158] В бездне смирения он положил прочное основание и подпору блистательных своих добродетелей и в этом, казалось, превзошёл самого себя. Ибо именно по внушению сей добродетели он столь часто слагал с себя возложенные на него начальственные должности; так что за четыре месяца служения в звании гвардиана он, как известно, одиннадцать раз отказывался от него лишь по тому побуждению, что считал себя совершенно недостойным.

Она же, силою не уступающая его пламенной любви, повела его из Испании в Индии; ведь дабы избежать тщеславия, приносимого доброй славою, которую он приобрёл благодаря столь многим добродетелям (кои увенчало воскрешение мёртвого мальчика – о чём некий благочестивый муж сам слышал от него, как уверяет), и дабы надёжнее укрыться, он удалился не только на материк в ином полушарии, но и в самые недоступные его области.

Она же, даже когда он служил гвардианом, порой тянула его войти в трапезную с вервием или хабитом на шее да с тростинкой в зубах на вящее презрение к себе и смиренно просить прощения за провинности, которые, как он полагал, совершил; и повергала его ко стопам иноков, дабы они попирали его

[159] Франциск достиг высших степеней смирения, ибо сам себя почитал ничем, кроме как грешником и ничтожным человеком, причём в высшей степени желал, чтобы таковым его почитали все. Он легко подчинял своё мнение суждениям других

и, ничего доброго о себе не помышляя, к другим питал великое уважение: всех предпочитал себе и никого не ставил ниже себя. Достойны вечной памяти слова, обнаружившие доброе мнение и почтение, кои он питал к своей братии, ибо он молвил: «Когда слышу братьев, беседующих между собой, верую, что они говорят о Боге; когда вижу их вкушающими пищу, думаю, что они к тому принуждены нуждою; когда же вижу их идущими с нескромно откинутым капюшоном, с небрежно сложенными руками или поспешной или неприличной походкою, то полагаю, что они желают людского презрения и хотят считаться глупцами, хотя на самом деле пред Богом они праведны и благи». Наконец, от смирения сего, точно дочки от матери, народились доброта, отзывчивость и скромность, благодаря коим он охотно общался даже с ничтожными и нищими людьми, никого не презирая, всем воздавая любовь и должное почтение.

[160] Естественный плод совершенного смирения — терпение — человек Божий Солано непреклонно хранил во всех испытаниях земной жизни. Ибо, считая себя недостойным никакого утешения, он не только терпеливо сносил несчастья, немощи и презрение, но и радовался им и возглашал песни Богу. Сколько смертельных опасностей он претерпел в тех великих странствиях, сколько раз страдал от зноя и холода, от жажды и голода — о том рассказано выше. И при всём этом не изошло из его уст ни единого слова нетерпеливого.

Сверх того его терзали тягчайшие недуги и мучили постоянные боли, но он, оградив себя крепчайшим щитом терпения, никогда не становился оттого печальнее и не бывал в тягость другим, но, всегда радостен и тих, благословлял Бога, чем всем подавал пример удивительной выдержки.

[161] Человек Божий был испытан также и теми искушениями, коими обнаруживаются и искреннее смирение, и истинное терпение: на него не раз обрушивались суровые упрёки собратьев. Однажды к его келлии подошёл некий почтенный инок и принялся его горько корить в том, что он, мол, человек гордый и лицемер, что всех обманывает пустой видимостью святости, добавляя к тому же, что его обманы когда-нибудь будут разоблачены и народ не всегда будет обманываем его притворством. Хотя святой муж ни о чём подобном даже и не помышлял, однако, будучи смирен и терпелив, возрадовался, что нашёл такого порицателя, какового некогда воображал себе Серафический патриарх, и, исполнившись ликования, пал к ногам обвинителя, поблагодарил его и, заявив, что тот его верно распознал, попросил простить его и вознести молитвы к Божественному милосердию за спасение его души. Удалился инок в сокрушении, утвердившись в добром мнении, которое возникло у него о человеке Божиим.

Однажды святой муж навестил некоего больного – то был инок почтенный и сведущий. И принялся он бранить гостя такими словами: «Ну и чего ты ко мне, лицемер, пожаловал? Уж не для того ли, чтобы обмануть меня, как других? Поди прочь и никогда не попадайся мне на глаза!» Святого муж ничуть не смутил этот внезапный выпад, но поскольку смирение и терпение глубоко укоренились в его душе, он, исполнившись радости и расплывшись в весёлой улыбке, громко ответил больному, что всё сказанное им верно.

[162] Во время плавания из Испании в Индии он с дивным терпением снёс суровый упрёк от инок, не равного ему по заслугам и чину.

Однажды, когда святой был погружен в глубокую молитву, тот инок резко и грубо стал клясть его, что, мол, он, слишком часто утешается наедине [созерцанием], а благом ближних пренебрегает – не обучает негров христианскому вероучению. Святой муж, приняв сию брань в молчании и спокойствии духа, тотчас же принялся наставлять в основах христианской веры чернокожих дикарей, плывших вместе с ним. Затем, отверзши уста для хвалы Божией, он всю ночь провел в благоговейных песнях и восхвалениях Бога и Девы. Удивленный такой кротостью, ругатель смутился, а на следующий день пал к ногам святого мужа, прося прощения. Тот, обняв его с искренней любовью, оказал ему честь, как особому благодетелю.

Сими и иными испытаниями он стяжал пальму непобедимого терпения.

ГЛАВА XIV. ПОСЛЕДНЯЯ ЕГО БОЛЕЗНЬ; ЧУДЕСА, ПРИ НЕЙ СОВЕРШИВШЕЕСЯ, И БЛАЖЕННАЯ СМЕРТЬ СЯТОГО

[163] Хотя вся жизнь человека Божия Франциска была крестом и мученичеством, однако, дабы ценою христианского терпения стяжать обетования Божии (*ср. Евр. 6:12*), он в течение двух месяцев (до самой кончины) чувствовал ещё более тяжкие боли, к коим присоединилась сильная горячка, приковавшая его к постели. Да придут сюда все христиане и на примере столь великого мужа научатся стезе благой смерти! Ведь, хотя силы телесные мало-помалу оставляли его и он лежал в кровати, зато напрягал силы душевные, становясь в немощи ещё мощнее (*ср. 2 Кор. 12:9-10*). Перед его взором находился святой образ Распятого, с Коим он иногда заговаривал, благодаря за то, что Он бичевал его тело и вершил желанное отмщение врагу его (то есть телу), ведь святой уже не в силах был творить сие собственною рукою. Затем, обращая слово к самому себе, он напоминал, что здесь [на земле] не следует ожидать покоя изнемогающим членам.

[164] Никакая болезнь не могла отлучить его от упражнения в молитве, но в те последние дни полёт созерцания его столь высоко устремился, что казалось, будто он постоянно пребывает среди ангелов. Он забыл о нуждах телесных, и то, что жизнь его всё длилась, казалось чудом, даже по суждению опытных врачей.

Никогда прежде молитва его не была столь горячей и долгой; он не позволял вести при себе никаких разговоров, кроме как о Боге, и не читать ничего, кроме душеполезных книг. Он попросил собрата читать ему преисполненные святых мыслей размышления многоученого и благочестивого отца Людовика Гранадского, однако неспешно: иногда, велев ему прекратить чтение, человек Божий, обратив очи к Распятию, проживал в сладчайшей молитве услышанное, а затем, словно бы ото сна пробудившись, вновь внимательно слушал чтеца своего. Затем, прослезившись, он повторял излюбленную свою молитовку: «*Glorificetur Deus* (Да прославится Бог)»; или что-нибудь в этом роде – с великой сердечной нежностью. Иногда просил читать псалмы: «*Lauda anima mea Dominum* (Хвали, душа моя, Господа)» (*Пс. 145*) и «*Benedic anima mea Domino* (Благослови, душа моя, Господа)» (*Пс. 102*) – и ощущал при этом невыразимое умиление сердечное.

[165] Он также пожелал, чтобы ему читали Евангелие от Иоанна, тот отрывок: «Перед праздником Пасхи» (*Ин. 13:1*). Слушая его, святой дивно растрогался, особенно при рассказе о распятии, и заговорил со страдающим Христом: благодарил Его, славил Его доброту и милосердие, столь благостно явленные ему, грешнику.

Ещё он весьма утешался Псалмами Пресвятой Деве, а размышляя о Ней, исполнялся ликования и радости. Духовнику своему он однажды сказал: «Помоги мне, отче, вознести хвалы Богу»; и тотчас присовокупил: «Боже мой, Ты Создатель, Царь, Отец мой, Ты восторг мой, Ты всё для меня!» А промолвив сие, он столь горячо воспылал пламенем Божественной любви, что душа его обратилась внутрь и духовные улады целиком захватили её, отчего чувства остались невосприимчивы, а тело уподобилось мрамору.

[166] Однажды, когда тот же духовник, желая утешить его в час телесной тягости услугой духа, сказал: «О отче Франциск, какова будет радость града святого Иерусалима, построенного из драгоценных камней, светильник коего Агнец!» (*ср. Откр. 21:23*), сердце святого мужа так возгорелось, что он разразился Божественными похвалами и погрузился в море созерцания, и оно полностью поглотило его. Он долго пребывал в экстазе с отверстыми устами, возведёнными горе очами, приподнявшись (хотя всё время болезни лежал) и с простёртыми руками; а облик его при том был благолепен. И поскольку он не отзывался на оклики, его оставили в одиночестве, не мешая блаженному изнеможению. А возвращался он из сих экстазов то в радости, то в слезах – смотря по тому, какие небесные видения запечатлелись сердце его.

[167] С наступлением праздничного дня Пресвятой Троицы, в размышлении о великой сей тайне, он, укрепив немощь тела пылом духовным, вышел из келии словно бы окрыленный, громогласно возглашая: «Благословим Отца и Сына со Святым Духом!» – и призывал всех восхвалять нераздельную Троицу.

В последовавшее затем торжество Тела Христова он обрёл особое утешение по милости непорочного Агнца, коего любила душа его. Ибо отец Франциск де Мендоса, духовник его, в ту ночь открыл дверь его кельи, намереваясь навестить его, и обнаружил, что он наедине с собою говорит, выказывая множество признаков радости. Расслышал он и святого, многократно повторявшего: «*Venite adoremus et glorificamus ante Deum* (Придите, поклонимся и припадем пред Богом)» (*ср. Пс. 94:6*). Увидел также, что святой муж протягивает руки в сторону угла комнаты, будто указывая на то Величие (Которое сам восхвалял, и твари призывал восхвалять тоже). Тут, обернувшись к смотрящему на него духовнику, он попросил удалиться и не нарушать его присутствием блаженную оную утреню. Священник, повинувшись ему, закрыл дверцу и удалился; но из того, что успел увидеть и услышать, понял, что человек Божий удостоился некоего особого Христова видения.

[168] Болезнь усиливалась, и врачи решили, что самая пора принять Священное Напутствие. Когда братья сообщили святому мужу сие мнение, он ответил: «Право же, не время; ещё слишком рано, но Христос – столь дорогой гость, что примемте Его поскорее!» То пятнадцатый день до кончины его.

Приняв Таинство с дивным благоговением, он, казалось, обрёл новые силы. Отчего досточтимый о. Хуан Венидо, впоследствии епископ Оренсеа, полагая, что человек Божий ещё проживёт какое-то время, сказал ему, что он, пожалуй, получит индульгенцию [в честь праздника] Порциункулы. На что святой возразил, что обретёт индульгенцию возлюбленного отца своего св. Бонавентуры. По этим словам и другим признакам все поняли, что он скончается в праздник сего великого Учителя; и полным-полно добродетельных иноков, утверждающих, что слуга Божий именно это и предсказал – в словах ясных и недвусмысленных.

А о. Франциск де Нуньес заявляет, что в ночь на понедельник, за двое суток до преставления святого мужа, когда несколько братьев сбежали к нему в келлию, тот сказал ему: «Скажи отцам, чтобы возвращались спать, ибо я умру не в сию ночь, но в день отца моего св. Бонавентуры».

[169] В последние дни его жизни у окна келлии многократно слышали и видели каких-то птичек, услаждавших уши и души окружающих нежнейшим пением и необычными трелями. И поскольку они не пугались ни шума, ни человеческих голосов и, что пернатым несвойственно, пели даже по ночам и среди зимы (ибо в июле в Лиме зима), а по кончине святого, ласково щебеча, впорхнули вслед за его останками в молельню лазарета, то полагали, что сие – явное следствие Божественного вмешательства и предвещает нечто удивительное.

[170] За пять дней до кончины он сказал брату Хуану Гомесу, присматривавшему за больными: «Не заметил ли ты, брате, великого милосердия Божия ко мне? Ведь Он наделил меня силами, дабы победить и изгнать врага!»

За трое суток до смерти, обращаясь к иноку, ухаживавшему за ним, Франциск со слезами и воздыханиями разразился такою речью: «Как так может быть, Господи мой Иисусе, что Ты распинаем, а я обласкан заботой рабов Твоих; Ты наг, а я одет; Ты бит по щекам и увенчан терниями, а я осыпан множеством благ и утешен бесчисленными благодеяниями?!»

На следующий день в присутствии многих братьев, он воскликнул: «О Боже души моей, будь же благословен! Сколь велико Твоё ко мне снисхождение! Ведь хотя меня стоило бы выбросить на безлюдную пустошь, словно вонючий навоз, да подальше от всех – я оказался в окружении сих ангелов (он имел в виду иноков), которые ещё и ухаживают за мной столь радушно! Какое счастье, Господи мой, что Ты, Боже, есть и что Ты так милостив!» (*ср. Вульг. Прем. 12:1*). Сказав сие, он обратился к присутствующим и убедительными словами увещевал их к боголюбию.

В итоге всё время, что ещё у него оставалось до последнего дыхания, он провёл, повторяя молитвенные акты любви, веры, упования, раскаяния.

[171] 12 июля таинством Елеосвящения он приготовился к последнему борению, как добрый воин Христов, и дабы налегке, в наготе и нищете сразиться с нагим врагом, испросил у настоятеля в подаяние рясу поветше. Затем, заповедав блюсти небесные заветы и устав серафический, он попрощался с братьями, нежнейше каждого обняв;

и хотя при жизни являлся зеркалом святости, стеною, смиренно просил прощения за дурной пример, который давала им его жизнь, якобы обделённая иноческими добродетелями.

В ночь, предшествовавшую кончине, глубоко погружившись в экстаз, он, как всем показалось, испустил дух. Однако, придя в себя, он воскликнул: «Laetatus sum in his, quae dicta sunt mihi; in domum Domini ibimus (Возрадовался я, когда сказали мне: «пойдем в дом Господень»)» (Пс. 121:1). С того мгновения и до конца облик его был исполнен радости, бодрости и благообразия, а душа его, ликуя о обещанном ей благе, являла все признаки счастья.

Когда некий брат сказал ему: «Поскольку Бог вот-вот вознесёт тебя, отче, на небо, помяни меня, когда придёшь в Царство вечное», святой отвечал бодрым голосом: «Да, я отправляюсь на небеса, однако лишь благодаря смерти Христовой и Страстям Его, ибо я худший из грешников. Когда достигну отечества, буду тебе добрым другом».

[172] Наконец, настал праздник св. Бонавентуры, и человек Божий, собираясь отдать долг естеству, не устрасился ужаснейшего из всех ужасов, но многообразно выказывал невыразимую радость. В тот же день внезапно прекратился жар непрерывной лихорадки (а она истощила его тело, иссушив плоть, точно корни сухие). Слюна изо рта, что прежде смердела, источала теперь сладкое благоухание, а руки, заскорузлые и морщинистые, словно бы побелели и обрели здоровый вид. Казалось, святой обрёл новые силы, так что некий врач, узнав впоследствии о его кончине, утверждал, что он скончался по какой-то незаурядной причине (например, от чрезмерной любви к Богу или томления по небесам).

[173] Итак, когда иноки, собравшись при нём, отчётливо читали Службу Часов, человек Божий на стихе «Gloria Patri (Слава Отцу)», возведя горе взор и руки, ласково произнёс обычное своё молитвенное воздыхание: «Glorificetur Deus (Да прославится Бог)!». По окончании псалмов спели Символ веры, причем птички примешивали к тому свои трели и щебеты. А когда дошли до слов «Et incarnatus est de Spiritu sancto ex Maria Virgine (И воплотился от Духа Святого из Марии Девы)», зазвонил церковный колокол в ознаменование того, что на праздничной мессе св. Бонавентуры возносят гостию. Тогда святой муж, устремив взор на Распятого, сложив руки крестообразно, восслаг к Богу благоговейную молитовку «Glorificetur Deus» и как будто уснул.

Отдал душу он 14 июля, в праздник св. Бонавентуры, года тысяча шестьсот десятого, на шестьдесят первом году жизни. Тело, омытое братьями, около полудня было по обычаю перенесено в молельню лазарета.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW

БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДОВ

КОНСТАНТИНКА ЧАРУХИНА